

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ СЕРИИ «STALKER»!

СЕЗОН КАТАСТРОФ

Роман ГЛУШКОВ

ПЕКЛО

Сезон Катастроф

Роман Глушков

Пекло

«ЭКСМО»

2013

Глушков Р. А.

Пекло / Р. А. Глушков — «Эксмо», 2013 — (Сезон Катастроф)

Не прошло и года, как наступил на Земле Сезон Катастроф... Аномальные зоны продолжают множиться на нашей планете, словно язвы. Не остался в стороне и приволжский город Скважинск. Неопознанный космический объект рухнул на него, вызвав многочисленные разрушения и пожары. В эпицентре охватившего город хаоса стартует очередная гонка на выживание, устроенная загадочными «серыми». Кальтер и его приемная дочь Верданди намерены во что бы то ни стало продолжить схватку с отрядом наемников Грязного Ирода. А что им еще остается?..

© Глушков Р. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Зона № 35, Россия, Верхнее Поволжье, провинциальный городок	5
Скважинск. Август 2016 года. 30 минут до Падения	
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Роман Глушков

Пекло

– И как же Господь наказал этих паших ангелов? Он сослал их в ад?

– Хуже! В Висконсин!

«Догма»

**Зона № 35, Россия, Верхнее Поволжье,
провинциальный городок Скважинск.
Август 2016 года. 30 минут до Падения**

Глава 1

Я отродясь не верил в народные приметы, но должен признать, что некоторые из них не лишены правдивости. Как, например, та, в которой говорится о тихом омуте и водящихся в нем чертях.

Не знаю, водились ли настоящие черти в «тихом омуте» городка Скважинска, куда занесло меня и мою команду, но их дальние родственники здесь обитали. И даже отсутствие у местных «бесов» рогов, копыт и хвостов не помешало им заслужить у себя на родине скверную репутацию.

– Слушай сюда, профессор, – обратился ко мне главарь этой шайки Бесяра, усаживаясь на один из раскладных стульчиков, расставленных вокруг нашего трейлера. – Тема такая. Люди болтают, что ты со своей киновбригадой уже два месяца в нашем городе отираешься. Почти все лето вы тут кино снимаете, а страховой взнос у тебя до сих пор не уплачен. Мне пофиг, по каким таким понятиям вы живете, ученые крысы. Но я тебе так скажу: ваши понятия – фуфло. Здесь у нас другие порядки, и если ты себе не враг, значит, должен их уважать.

– Страховой взнос? Как это прикажете понимать, Савелий Петрович? – изобразил я недоумение, хотя прозвище собеседника, манера его речи, воровские татуировки и беспардонное поведение явственно указывали на то, чего он добивается. – Мы уже заплатили мэру за разрешение вести съемку в Скважинске и на пригородной территории.

– И мэра... ну то есть Пал Семеныч бумажку с печатью тебе выписал? – хитро прищурился Бесяра.

– Вообще-то нет, но... Разве в бумажке дело? Давайте съездим к Павлу Семеновичу, и он вам подтвердит мои слова, – предложил я. И вновь отметил про себя, что мои прогнозы продолжают оправдываться. Скважинск был тем захолустьем, где понятие «бандитская крыша» не ушло в разряд пережитков, а продолжало сосуществовать наравне с другими, более цивилизованными видами «крыш».

– Вот ты вроде бы умный мужик, профессор. Весь такой культурный, с бородкой, при очечках, а местные обычаи почему-то изучать не желаешь. Непорядок! – Визитер сплюнул под ноги, потом достал из кармана сигареты и закурил. – О чем вы там договаривались с Семенычем и сколько ему бабла отслонявили, это ваше дело. У нас с ним свой договор. Мы в его бизнес не лезем, а он не лезет в наш. Семенычу вы платите за разрешение кататься по городу со включенной видеокамерой. Нам – за то, чтобы мы страховали вас от неприятностей, в которые вы рискуете случайно вляпаться. Усек, нет?

– Прошу меня простить, Савелий Петрович, но мы вынуждены отклонить ваше... деловое предложение! – Я поправил очки, нахмурил брови и состроил возмущенную мину. – Да это просто возмутительно! Кто вы такие, позвольте спросить? Оглянитесь вокруг! На дворе уже не девяностые годы и даже не двухтысячные, чтобы приходить к честным людям и вот так нагло вымогать у них деньги!

– Что ты мелешь, ученая твоя башка?! На солнце, что ли, перегрелся?! Какое, еп-тыть, вымогательство?! – Надо признать, что в понятиях Бесяры все же наличествовало некоторое почтение к старшим. Не будь я гораздо старше его, сейчас он точно влепил бы мне затрещину. – Я что, невнятно выразился: мы страхуем твое барахло от пожара, наводнения, кражи, случайной поломки и тэдэ и тэпэ! Улавливаешь разницу? Или думаешь, твои видеокамеры, фонари и всякие там микроскопы-хреноскопы не могут разбиться? На что спорим, что могут? Вот эта лампа на треноге, кажись, очень даже хрупкая. Того и гляди, брякнется на землю и хана ей. Скажешь, я не прав?

И «страховой агент», криво ухмыльнувшись, указал на стоящий неподалеку штатив с большим галогенным светильником.

– Вы абсолютно правы, Савелий Петрович, – поспешил согласиться я, чуя, какая судьба уготована этому довольно дорогому фонарю, если я дам Бесяре неправильный ответ. – Ваша правда – тут я с вами не буду спорить. Прошу меня извинить, я и впрямь погорячился. Однако вы же цивилизованные люди и должны осознавать, как выглядит ваш... кхм, бизнес в глазах гостей вашего города. В конце концов, никто в Скважинске законы не отменял. Ваша полиция обязана нас защищать! Тем более что мы – не какие-то проходимцы. Мы – российские представители всемирно известного телеканала «Энимал Плэнет»!

Савелий Бесяра, чьи вытатуированные на пальцах перстни выдавали в нем вора в законе, озадаченно наморщил лоб. Но, похоже, он иногда смотрел телевизор и быстро припомнил вышеназванный телеканал:

– Это где передачи про зверей крутят, что ли? И каким макарон вас сюда занесло? Да у нас в округе последнего медведя еще мой дед пристрелил. Разве что кабаны да волки еще по лесам шастают, вот только поймай их сегодня. Охотников развелось столько, что они последнее зверье пораспугали.

– Мы изучаем не зверей, а птиц, – уточнил я. – Вы не поверите, какой на самом деле богатый мир пернатых на Северном Поволжье. Десятки тысяч видов, а про подвиды и говорить нечего.

– Птицы? – Бесяра вновь сплюнул и состроил презрительную гримасу. – И кому они нужны, эти ваши птицы? Ни шкуры, блин, ни мяса... Короче, давай по делу, натуралист. Ты тут насчет закона заикнулся, так? В полицию решил жалобу накатать?

– Вы меня неправильно поняли. Я не собираюсь подавать никому жалоб, если вы оставите нас в покое и не станете мешать нам работать.

– Что-то я не въехал – это кто здесь мешает вам птиц фотографировать? – вновь набылся Савелий. – Мы, что ли, мешаем? То есть тебе даже говорить с нами внапрямь? Ну ладно, хочешь полицию – будет тебе полиция, о чем базар! – И, обернувшись к подручным, что оти-рались возле обшарпанного «БМВ», на котором эта шайка к нам прикатила, крикнул: – Эй, Гоча, а ну звякни Скворцу! Пускай зачехляет свой радар, вылезает из кустов, врубает мигалку и летит сюда. Скажи – дело верняк! Скажи: столичные мажоры нажрались водки и носятся, как прикурки, по берегу на своем джипе, того и гляди, задавят кого-нибудь... Свидетелей для протокола найдем – не вопрос. Пока Скворец доедет, будут ему свидетели.

Отдав распоряжение, Бесяра вновь повернулся ко мне и с победоносным видом заявил:

– Значит, говоришь, птичками интересуешься? Ладно, погоди чуток, скоро я тебя с нашим Скворцом познакомлю. Крыльев у него, правда, нет, и поет он разве что по пьяни, но тут ведь главное, что не он вам, а вы ему запоете. Хотя, конечно, вы еще можете одуматься

и вспомнить о вашем страховом взносе. Вот он сразу решит эту нескладуху, в какую вы вляпались, обещаю.

– О чем таком вы говорите?! Какой Скворец, какие пьяные мажоры, какой протокол?! – удивленно воскликнул я. Впрочем, мое недоумение было столь же деланым, как все другие чувства, которые я изображал перед незваными гостями.

В действительности удивляться тут было нечему. В маленьком Скважинске большинство власть имущих – мэр, его свита, депутаты местного Совета, полицейские, работники прокуратуры, бандиты – были крепко повязаны всеми возможными узами: от деловых до родственных. Если бы кому-то вдруг понадобилось нарисовать схему этих связей, вышел бы такой мудреный узел, в сравнении с которым гордиев показался бы обычным бантиком. Поэтому я не удивился, когда главарь рэкетиров вот так запросто позвонил своему знакомому автоинспектору (а может, даже родственнику) и предложил ему тоже поучаствовать в наших «переговорах». И пусть я и мои люди давно не брали в рот ни капли спиртного и тем более никогда не раскатывали пьяными на машине, для едущего сюда Скворца это не имело значения. Когда бандит корешится с властью, он непобедим и обладает железной правотой. При таком альянсе Бесяре не составит труда подбросить нам в трейлер не только наркоту, но и расчлененный труп. А как мы из этого выкрутимся – и выкрутимся ли вообще, – его не волнует. Если, конечно, мы в конце концов не сдадимся и не купим у него этот «страховой полис».

Наше спокойное пребывание в Скважинске – городке на берегу мелкого притока Верхней Волги, реки Чучуйки, – подходило к концу. Какую бы сумму ни затребовал от нас Бесяра, в данный момент мы не располагали такими деньгами. Все, что нам оставалось, это отдать часть нашего оборудования, но и тут загвоздка. Грубая публика, с какой мы имели дело, не станет утруждать себя оценкой и сбытом подобного барахла. Зачем ей лишняя головная боль? Бандиты из глубинки не разбираются в электротехнике, что сложнее видеоплеера, и предпочитают брать откуп деньгами. В крайнем случае – золотом или автомобилями. Но наш «Додж» мы им не отдадим – он нам самим еще понадобится. Уверен, что в драгоценных камнях они тоже не разбираются – не тот криминальный уровень. В общем, говоря их языком – мы попали. А вот насколько серьезно – просто попали, или попали конкретно, – выяснится очень скоро.

Очевидно, «дэпээсник» Скворец дежурил на той же трассе, неподалеку от которой мы разбили лагерь. Не прошло и пяти минут, как на проселке, ведущем к берегу Чучуйки, показался полицейский «уазик» с мигающим синим маячком. Сирену Скворец не включал, но по его спешке было видно, что он отнесся к приглашению Бесяры со всей серьезностью. Рычащий мотором «уазик» подпрыгивал на ухабах, разбрызгивая оставшиеся после утреннего дождя лужи, и у меня оставались считанные минуты на то, чтобы договориться с Бесярой. После чего мы или расстанемся с ним и ДПС полюбовно, или нам придется ощутить на себе гнев продажной скважинской полиции. Одному дьяволу известно, что взбредет ей на ум и каким образом покарат нас. Но минимальным штрафом мы не отделаемся, это уж точно.

Ребята Савелия – он прибыл сюда в компании четырех мордоворотов – свое дело знали. Они без напоминания окружили наш маленький лагерь, чтобы помешать нам запрыгнуть в машину и броситься наутек, и всем своим видом показывали, что мы обречены. Как назло, мне в голову не приходило толковых идей по урегулированию конфликта, а просить вымогателей об отсрочке было бессмысленно. Этим мы ничего не выиграем – они в любом случае попросят Скворца отобрать у нас права и снять номера. Или даже арестовать одного из нас. Для подстраховки – опять-таки, чтобы мы не слиняли из города, не заплатив.

Ну и зачем тогда унижаться, если в итоге нам все равно придется пострадать?

– Вы категорически не оставляете мне выбора! – Я продолжал изображать оскорбленную гордость и, решительно встав из кресла, достал из кармана мобильник. – Все, Савелий Петрович, шутки в сторону! Я звоню в наше представительство! Раз вы настаиваете на своем, значит, будете говорить не со мной, а с нашим юристом!

– А ну-ка сядь, профессор! – Бесяра вскочил следом за мной, выхватил у меня телефон и толчком усадил меня обратно в кресло. Потом обернулся к трем моим коллегам, что в угрюмом молчании следили за нашей беседой, и, указав на них пальцем, распорядился: – Так, и вы трое тоже! Мобильники сюда, быстро! Шевелитесь, дважды повторять не стану!

Телефоны коллег также были переданы вымогателю. Судя по неподдельному интересу, с каким он осмотрел трофеи, им предстояло стать нашим первым «страховым взносом». Иными словами, мы могли с ними попрощаться. Однако Бесяра на этом не успокоился. Подойдя к трейлеру, он грохнул кулаком по его стенке и рывкнул:

– Эй ты там, внутри! Тот, который кашляет! Иди сюда, еп-тыть! Вместе с телефоном!

– У доктора Кацмана третий день бронхит и высокая температура, – вступился я за лежащего в трейлере больного. – Я очень прошу вас его не беспокоить. А его телефон вам сейчас вынесут... Лева! Сделай, как говорит Савелий Петрович, прошу тебя.

Через полминуты в коллекции Бесяры появился пятый трофейный мобильник, и он, за неимением на шортах карманов, разложил пока добычу на столике. Заглянув в трейлер, Савелий удостоверился, что кроме укутанного одеялом больного там больше никого нет, и угомонился. Хотя по его взгляду и нервным жестам было заметно: он весьма разочарован, что ему не удалось стясти с нас бабло по-легкому.

Вся эта суета с привлечением «своего» автоинспектора вряд ли нравилась вымогателям. Только что поделаться, если иначе никак? Мы были не теми клиентами, к которым стоило применять рукоприкладство, но более гуманные методы вымогательства могли и сработать. Бесяра был в курсе, что выданное нам мэром разрешение на съемку не вполне легально... Да что там – мы купили его за обычную взятку! И раз для нас, залетных гостей, в порядке вещей было дать чиновнику на лапу, значит, можно раскрутить нас на еще одну взятку. Почему нет? Немного наглости, немного намеков на то, что «у нас везде свои люди», и все в ажуре. Главное, не перегнуть палку, хотя по Бесяре было заметно, как трудно ему сдерживаться, чтобы не врезать кому-нибудь из нас по физиономии.

Между тем «уазик» подкатил к берегу и, выключив мигалку, остановился рядом с бандитским «БМВ». Вылезший из машины Скворец оказался пузатым капитаном средних лет, чьи хитрые, бегающие глазки выдавали, почему он до сих пор не майор. Такие ушлые типы не гонятся за окладами и унылой бумажной работой. Они предпочитают до седых висков работать в поле, подальше от кабинетных дрызг и вороха инструкций. Иными словами – сшибают рубли на дорогах, что намного прибыльнее, если подойти к делу с умом и не зарываться.

– Здорово, Савелий! – Небрежно махнув рукой Бесяре, Скворец напустил на себя важный вид, чтобы не выглядеть перед нами мальчиком на побегушках у вымогателей. – Ну и где здесь твои пьяные мажоры? Вот эти, что ли?

Он смерил нас равнодушным взглядом, будто только сейчас заметил настоящих хозяев лагеря.

– Они самые, – подтвердил Бесяра, после чего поочередно указал на двух своих людей: – А вон те двое – пострадавшие. Сидели на берегу, рыбачили, а эти, блин, туристы чуть их своей тачкой по траве не размазали.

– Ясно... – Скворец зевнул и лениво осмотрелся. – Все, как в прошлый раз, значит?

– Верно толкуешь, – закивал Савелий, довольный тем, что ему не придется разжевывать подельнику в погонах суть дела. – В натуре, опять та же самая песня! Только певцы другие.

– Верно-то верно, да вот непохожи они на пьяных, – поморщился автоинспектор. – Ну да ладно, дело поправимое. Пускай кто-нибудь из твоей братвы вместо них в «трубку» дыхнет. Или у вас тоже неделя трезвости?

– Гоча дыхнет, – пообещал главарь. – Он нынче с утра как начал похмеляться, так до сих пор не может затормозить. Весь салон в «бумере» перегаром провонял, чтоб его!

– Господин полицейский! – Я не собирался сидеть и помалкивать в тряпочку, когда в двух шагах от меня решалась наша дальнейшая участь. – Я хочу выразить вам, как представителю закона, официальный протест по поводу всего случившегося! А также подать жалобу...

– Помолчи пока, жалобщик. Успеешь еще поплакаться, – отмахнулся от меня Скворец. Наши протесты интересовали его не больше, чем живодера – тьяканье пойманной им бродячей шавки. – Будешь говорить, когда стану задавать вопросы. А сейчас попрошу тех из вас, у кого есть водительские права, предъявить их мне. Документы на машину тоже. И побыстрее, если можно.

Я прикусил язык и послушно направился к оставленной в салоне «Доджа» куртке – затребованные документы были в ней. Но не успел я отойти, как Скворец меня окликнул:

– Эй, борода! А ты ведь тот самый ученый, которого мой напарник пару недель назад останавливал, верно?

– Видимо, так, – угрюмо подтвердил я, пожав плечами. – Недавно на выезде в сторону Бубенцово нас действительно останавливал один из ваших. Лейтенант Суховатов, кажется.

– Суховатый... Ну да бог с ним. Я почему спрашиваю: раз ты ученый, значит, тебя уже наверняка известили, что за новая звезда на небе зажглась. Телевидение пока помалкивает, но вы-то по своим каналам это выяснили, так?

– Какая звезда? – не понял я, оглядывая темнеющее закатное небо. Багровое солнце как раз заходило за горизонт, и первые звезды были уже видны на небосклоне.

– Что значит «какая»? Да вон же она! – Скворцов хотел ткнуть пальцем в восточный сектор небесного купола, но вместо этого указал на верхушки гигантских тополей. Тех, что также загораживали от нас часть панорамы Скважинска и не позволяли любоваться по утрам восходами солнца. – А, черт бы побрал эти деревья! Отсюда не видно! Яркая такая звезда. Самая первая сегодня загорелась, но вчера ее точно не было. Как стемнеет, мы ее точно разглядим.

– Не врублюсь, о чем ты базаришь, – подключился к разговору Бесяра. – Когда мы сюда ехали, не было на небе никаких звезд, это точняк. Вертолет, что над городом кружил, мы видели. Гоча еще говорит, давай, мол, тормознем, позырим, зачем он тут шныряет, будто муха над парашей. Небось менты из области опять облаву замутили, коноплю или мак в огородах сверху высматривают...

– Не наша это «вертушка», – возразил Скворец. – У нас таких нет. Армейская машина. Чего ей здесь понадобилось, не знаю, но, когда она над городом летала, новая звезда еще не зажглась. Это случилось минут двадцать или тридцать назад. Надо только отойти к реке, чтобы тополя не мешали, и взглянуть... Так что там наука по этому поводу думает, а, борода? Есть какая-нибудь информация?

– Мы – зоологи, а не астрономы. – Я виновато улыбнулся. – О том, что творится в небесных сферах, нам не сообщают. Но если то, что вы наблюдали, – не локальное атмосферное явление, а событие астрономического масштаба, уверен, об этом вскоре объявят по телевидению или в Интернете. А, возможно, уже объявили, пока мы тут с вами э-э-э...

Я не смог подобрать слов, чтобы дать краткую и емкую характеристику тому дерьму, что здесь творилось. Все пришедшие на ум эпитеты были сплошь нецензурными. И произнеси я хоть один из них вслух, это лишь усугубило бы наше положение.

Впрочем, не успел еще Скворец попенять нам на нашу дремучесть в космических вопросах, как на шоссе, что пролегал в полукилометре от нас, началось странное оживление. Ревя моторами, в сторону города шла большая автоколонна: крытые военные грузовики с солдатами, БТРы и внедорожники «Тигры» с пулеметными турелями на крышах. Колонна быстро заполнила собой весь видимый нам участок шоссе, но ее конца мы все еще не наблюдали. Скорость, с какой она двигалась, тоже была подозрительно высока. Такое впечатление, будто солдаты подняли по тревоге и приказали в кратчайший срок взять под контроль Скважинск, хотя беспорядков в нем вроде бы не было и не намечалось.

– А это еще что за гости? – не на шутку оторопел Скворец, вмиг позабыв о нас и о наших документах. – Как это прикажете понимать? Почему меня не предупредили о маневрах, ведь я сегодня на этом участке дежурю?

Разумеется, мы и братва не знали ответы на эти вопросы. Но Бесяра все же выдвинул свою теорию происхождения:

– Секретные учения, еп-тыть – вот что это за хрень собачья. А ты про них не слыхал, потому что званьем не вышел. У меня батя, когда в советской «армейке» служил, бывал в такой канители. Будили, рассказывал, среди ночи, потом гнали пару суток по голой степи и не говорили куда. А в конце дороги – стрельбище или еще какая-нибудь ерунда.

Но Скворец его уже не слушал. Вынув из поясного чехла рацию, он пробовал связаться с базой, чтобы доложить о том, что творится на подведомственной ему территории. И пробовал тщетно, потому что связь полностью отсутствовала. Причем не только полицейская, но и обычная, мобильная. Телефон, за который инспектор схватился, едва выключил рацию, также был исправен, однако соединять его с «дежуркой» категорически отказывался.

Свой мобильник вор в законе предоставлять для полицейских нужд отказался. Зато услужливо отдал в распоряжение инспектора изъятые у нас трофеи. Хотя с тем же успехом он мог пытаться дозвониться до базы с помощью ботинка – похоже, в Скважинске и окрестностях полностью исчезла вся без исключения беспроводная связь.

– Вот же дрянь какая! – проворчал Скворец, кладя на стол последний опробованный телефон. – Бьюсь об заклад, что связь издохла именно из-за этих секретных маневров! Врубили вояки широкополосную «глушилку», блокировали ею эфир, и теперь ни нашим, блин, ни вашим!.. Кстати, а радио фурычит?

Бесяра кивнул Гоче, и тот, сбегав к машине, принес неутешительное известие: на всех радиочастотах слышен сплошной шум помех. Автоколонна тем временем все-таки показала нам свой хвост, а ее авангард, скрывшись за тополями, должен был как раз сейчас въезжать в город. Инспектор, бандиты и мы растерянно смотрели на последние проезжающие по шоссе машины, когда прямо над нами, рассекая винтами воздух, пронеслось звено из пяти вертолетов. Их уже точно нельзя было спутать с полицейскими или гражданскими. Задрав головы, мы глядели на те самые «Аллигаторы», чьи хищные остроносые силуэты и спаренные винты были известны сегодня всему миру.

– Слышь, пацаны, а может, пока мы тут валандаемся, братва на зоне кипеш подняла и сейчас отрывается по полной? – осенила Бесяру очередная догадка. Надо заметить, она была не лишена логики. Скважинская колония строгого режима, именуемая в блатной среде и в простонародье «Скважиной» – одна из крупнейших в Верхнем Поволжье, – располагалась в черте города, в северо-западной его части. И если там действительно начался бунт, на его подавление могли быть брошены немалые силы. Вот только при чем тут отсутствие связи и ударная авиация?..

Я не задал Бесяре этот вопрос, поскольку был уверен, что он на него все равно не ответит.

Замыкающий колонну «уазик» военной автоинспекции скрылся за тополями, когда солнце практически закатилось за горизонт. Застрекотали цикады, с реки повеяло прохладой, и над Скважинском стали быстро сгущаться летние сумерки. Так что если гости пробудут здесь еще немного, доделывать наши дела мы будем уже при свете фонарей.

Но о делах, ради которых к нам в лагерь съехалось столько народу, больше никто не вспомнил. Ни через минуту, ни через час, ни завтра, ни вообще. Едва Скворец собрался вернуться к проверке документов, как вдруг Бесяра указал на верхушки тополей и воскликнул:

– Ша, бродяги! Кто там твердил про звезду? А ну зырьте, она или нет?

Скворец не ошибся, предположив, что в сумерках замеченная им звезда будет светить ярче, чем на закате. К этой минуте звезд на небе было уже предостаточно. Но свет ни одной из них, кроме новой, не мог пробиться сквозь густые кроны деревьев. А эта звезда и впрямь

сияла настолько выразительно, что поначалу я принял ее за габаритный фонарь низколетящего самолета. Но вскоре понял, что ошибся. Источник света не двигался (или же двигался, но очень медленно), да и шум самолетных турбин до нас тоже не доносился.

И еще – возможно, мне почудилось, но вроде бы звезда разгоралась все сильнее. А также постепенно увеличивалась в размерах. И было в ее неестественно ярком сиянии нечто гипнотизирующее, не сказать магическое. Такое, отчего мы, забыв обо всем, продолжали молча тарашиться в небо, словно и не было между нами никакой взаимной неприязни.

Ни дать ни взять, прямо библейская картина: бывшие враги оттринули распри и, стоя плечом к плечу, умиротворенно взирают на льющийся с небес божественный свет!..

Встрепенуться и выйти из замороженного состояния нас заставили птицы. Внезапно их крики грянули отовсюду с такой силой, что полностью заглушили стрекот цикад и прочие шумы, доносящиеся сюда из города. Причем галдели не только извечные вороны и ночные пернатые, но и те, которые по ночам обычно спят. А спустя полминуты на фоне темнеющего неба показались и сами птицы. Их были тысячи, и они продолжали без умолку кричать. Стаи мелких и крупных птиц застили небосклон и, хлопая крыльями, неслись в одном направлении – прочь из Сквжинска. Но что согнало их в едином порыве с насиженных мест? Обычно такое происходит из-за взрывов, выстрелов или иного грохота, но ничего подобного в городе не слышалось.

Зато слышалось кое-что другое, не менее пугающее – собачий вой. И какой! Походило на то, что все до единого городские псы вдруг завyli в унисон, стараясь заглушить друг друга. За пару месяцев, что мы тут обитали, нам еще не доводилось быть свидетелями столь масштабных собачьих концертов. Да и в других местах, где мне пришлось побывать, я тоже не слышал ничего подобного.

Что за безумие вдруг охватило Сквжинск? Еще совсем недавно нас окружали обычные звуки загородной ночи, но теперь от бывшего спокойствия не осталось и следа. Местная фауна – та, что прежде от нас не пряталась, – как будто взбесилась, оставив человека в испуганном недоумении гадать, что все это значит.

– Она движется! – Скворец первым нарушил растянувшуюся на несколько минут напряженную паузу. – Боже мой! Точно вам говорю – теперь она движется!

Его палец вновь указывал на звезду, что за последние минуты явно прибавила в размерах и яркости. Действительно, инспектору не померещилось. Свет за кронами деревьев начал смещаться вниз и вправо, если смотреть от нас. И с каждой секундой его движение ускорялось.

Все затаили дыхание, ожидая, когда звезда покажется из-за тополей и мы наконец-то сможем ее рассмотреть. Такими темпами это должно было случиться с минуты на минуту. При взгляде на траекторию ее полета и нарастающую яркость у меня, да наверняка и у остальных тоже, начали зарождаться в душе недобрые предчувствия. Одно дело, когда звезда падает быстро, мелькнув на ночном небосклоне и погаснув. И совсем другое – наблюдать, как бороздит она небесный океан, плавно увеличиваясь до весьма жутких размеров.

Собачий вой не прекращался, но птичий гвалт практически стих. По небу проносились последние, отставшие от стай пернатые, и мы снова могли отчетливо видеть привычные, неподвижные звезды. Приравнивать к ним новую звезду было уже нельзя. Что бы это ни падало, оно находилось гораздо ближе к Земле. И, что еще хуже – по всем признакам стремительно сокращало расстояние до нее.

Когда неопознанный сверкающий объект вылетел наконец из-за тополинных крон, он был уже величиной с копеечную монету и оставлял за собой отчетливый огненный шлейф. Рядом с ним летело несколько объектов поменьше – судя по всему, отвалившиеся от него обломки. Истинные формы «звезды» и ее спутников были вовсе не круглыми. Все вместе они напоминали скорее оторванные от электронной платы микроскопические компоненты – резисторы,

транзисторы, диоды и тому подобное. Каковы были настоящие размеры этих объектов, сказать трудно, но маленькими их не назовешь, это точно.

– Матерь Божия! Да это же метеорит! – дрожащим голосом воскликнул Скворец. – И ведь грохнется где-то рядом, сука!

– Слишком медленно падает для метеорита, – заметил я. – Да и выглядит странновато.

– Оба-на! В натуре, НЛЮ, что ли? – присвистнул Бесяра. – Вот это тема, слышь, братаны! Завтра про нашу дыру весь мир узнает! В историю войдем, еп-тыть! Прямо как в том тупом американском кино про зеленого чудака!

Я хотел было возразить, что на космический корабль объект тоже не слишком похож (разве что на разваливающийся), но не успел. По мере снижения его скорость стала расти по экспоненте. Яркость его больше не увеличивалась, чего нельзя сказать о габаритах. И когда я смог определить, что он упадет не за горизонтом, а в пределах нашей видимости, до столкновения объекта с Землей оставалась всего-навсего пара секунд.

Скворец, Бесяра и кое-кто из братвы не сдержались и заорали в голос, когда объятые пламенем небесное тело и его спутники рухнули прямо на город. Какие именно районы подверглись бомбардировке, в сгустившихся сумерках было не разобрать. А едва вверх взметнулись гигантские тучи пыли, видимость и вовсе пропала. Не прошло и минуты, как большую часть Скважинска заволокла непроглядная черная пелена, сквозь которую то и дело прорывались множественные отблески пламени.

Огненный выброс при ударе практически отсутствовал. Сам удар тоже выдался слабее, чем я ожидал. Кратковременное легкое землетрясение – вот и все, что он породил. Огонь и хаос разразились позже, когда в местах падения объектов запылали пожары. Тогда же город наполнился обычными для зон стихийных бедствий звуками: воем сирен спасательных служб, треском горящего дерева, звоном стекла, ударами и скрежетом сталкивающихся и врезающихся во что попало машин, раскатистым грохотом взрывов и рушащихся построек... А также тысячами истерических воплей, которые прочие шумы не могли заглушить. Часто на их фоне слышались выкрикиваемые спасателями в мегафоны призывы сохранять спокойствие и не паниковать, но проку от этих увещаний, похоже, было мало.

Однако весь этот адский котел забурился на полную мощность не сразу, а спустя некоторое время. Но прежде, чем это случилось, у нас в лагере тоже произошли кое-какие перемены.

Не успело пылевое облако накрыть город, а инспектор, придерживая фуражку, уже мчался к своей машине.

– Эй, Скворец! Слышь, тормозни, надо побазарить кое о чем! Дело на пять секунд, эй! – прокричал ему вслед Бесяра. Но Скворец, не оборачиваясь, лишь нервно отмахнулся: дескать, да иди ты с твоими «базарами», как будто не видишь, что в городе творится!.. Потом вскочил в кабину, врубил мигалку и рванул с места так, что из-под колес «уазика» взвились вверх ошметки дерна.

– Вот облом, еп-тыть! – с досадой бросил Бесяра. – Весь день коту под хвост!

– Слышь, Савелий, да ну их на хрен, этих зоологов! – подал голос не сводящий испуганного взора с объатого пылью Скважинска Гоча. – Погнали лучше домой, а? Связи-то нет, а эта дрянь шарахнулась точняк там, где мой батя живет! И Люську еще надо найти, а то мало ли что...

– Да понял я, понял! – отозвался главарь, смекнув, что остальные подручные солидарны с Гочей, поскольку и им было за кого переживать. У самого Бесяры, очевидно, в этом плане все обстояло значительно проще, и он не горел желанием возвращаться в город в самый разгар хаоса. – Лады, уболтали: шпарим отсюда спасать ваших баб, раз такое дело... Пока, профессура! Мой вам совет: чешите и вы подальше, пока не поздно. А то ведь, если останетесь, мы с вами еще свидимся, зуб даю!

Пожалуй, это была первая здравая мысль, посетившая Бесяру с того момента, как он к нам заявился, и я даже был готов простить ему за это все обиды. А также отобранные мобильники, которые волнующийся за родных и близких Гоча все же не забыл сгрести со стола и забрать с собой. Однако с их отбытием случилась заминка. В отличие от Скворца они не запрыгнули сей же миг в машину и не умчались прочь. Подозванные Савелием, они столпились у багажника и начали о чем-то негромко совещаться, то и дело косясь в нашу сторону.

О чем они болтали, мы не слышали. Но, судя по выразительной жестикуляции Бесяры, он пытался их в чем-то убедить. А судя по отсутствию возражений, его идея вызвала у братвы одобрение. Во взглядах, какие бандиты бросали на нас, нельзя было уловить ни злобы, ни настороженности. Скорее, в них читался интерес и разгорающийся, но пока сдерживаемый азарт.

Не нужно было являться гением дедукции, чтобы понять, чем этот азарт объяснялся.

– Лева, срочно буди доктора Кацмана, – вполголоса попросил я топчущегося рядом коллегу и, сняв с носа очки, повесил их на фонарный штатив. – Чует моя селезенка: сейчас по ней будут бить. Возможно, даже ботинками.

– Вы совершенно правы, босс, – ответил ассистент, направляясь к трейлеру. – И ладно, если просто ботинками. Однако вряд ли эти жлобы полезли в багажник, чтобы переобуться.

Действительно, переговоры Савелия с братвой завершились тем, что они открыли багажник «бумера», после чего стали подходить к нему по очереди, что-то оттуда вынимали и сразу отходили за машину. Так, чтобы не дать нам разглядеть, что они держат в руках, и не спугнуть нас.

Зачем Бесяре с братвой сдалась эта нелепая конспирация? Очевидно, они решили, что наивные зоологи не сообразят, к чему готовятся якобы собравшиеся уезжать вымогатели. Кто здесь и был наивным, это точно не мы, а они – безнадежно застрявшие в девяностых годах прошлого века, дремучие провинциальные рэкетиры. Они пытались запудрить нам мозги с такой непосредственностью, что в иной ситуации это выглядело бы даже забавно. Хотя сами вымогатели не видели в этом ничего смешного и были настроены на умышленное ими беззаконие совершенно серьезно. А, значит, и нам не стоило расслабляться и недооценивать своего врага.

Ход их мысли был незатейлив и вполне закономерен. Еще четверть часа назад грабить нас в открытую было себе дороже, но сейчас обстановка в корне изменилась. В городе воцарился полный кавардак. А значит, вся полиция брошена на обеспечение порядка, и в ближайшее время ей не будет дела до ограбленной в пригороде заезжей съемочной группы. Было пока неясно, ограничится ли Бесяра одним ограблением или решит подстраховаться, утопив свои жертвы в каком-нибудь окрестном болоте. Я, конечно, плохо знал Савелия, но полагал, что в смутное время он может отважиться на «мокруху». Чтобы, когда беспорядки улягутся, некому было настрочить на него заявление в полицию.

Получив от шефа последнее напутствие, «страховые агенты» вышли из-за автомобиля и, растянувшись в цепь, пошагали обратно к нашему лагерю. На сей раз все были вооружены, и я отметил, какие гангстерские кинокартины задают сегодня моду в отечественной бандитской среде. В прежние времена, помнится, это были фильмы про итальянскую мафию, чьи головорезы крушили врагам черепа преимущественно бейсбольными битами и клюшками для гольфа. Теперь, судя по всему, мода переменилась. В руках трех из пяти грабителей были устрашающего вида мачете, из чего следовало, что нынче русскому бандиту гораздо милей грубые мексиканские и латиноамериканские гангстеры, нежели прежние киногорои-итальянцы, воспетые Копполой и Скорцезе. Было это увлечение повальным или всего лишь местечковым, мы не знали. Но не усомнились в том, что здешние «десперадос» орудуют мачете столь же умело, как до этого они орудовали битами.

Впрочем, рубщиков не растущего здесь тростника мы опасались куда меньше, чем их оставшихся товарищей – Гочу и самого Бесяру. Эти двое выбрали для повторной беседы с нами

более убедительные аргументы. В руках первого был охотничий полуавтоматический карабин «сайга», а второй прихватил из багажника обрез двустволки.

– Короче, дело к ночи, профессура! – прокричал нам настроившийся покуражиться Савелий. – Базар окончен, пора платить по векселям! Гоните на бочку все, что есть – бабло, побрякушки, кредитки, документы, ключи от машины! Отдадите сами – так и быть, пощажу! Заникаете от нас хотя бы рубль – пойдете на корм рыбам! Понятно я выражаюсь, эп-тыть, или нет?

Ответа он не дождался. Вернее, дождался, но это был не тот ответ, на какой он рассчитывал. Нас и вымогателей разделяло около полутора десятков шагов, когда дверь трейлера с грохотом распахнулась и оттуда выскочил разбуженный Лево́й доктор Кацман. Вид у него был отнюдь не болезненный. Более того, при взгляде на него, энергичного и свирепого, можно было вмиг заболеть самому. Сначала – заиканием. Ну а потом – уже тем, что этот «доктор» тебе пропишет...

Пятый член нашей команды Гробик был таким же доктором, как все мы вместе – зоологами и телевизионщиками. Что наша компания бывших оперативников военно-разведывательного Ведомства, а ныне предателей родины и дезертиров, забыла в Сквэжинске, рассказ отдельный. Но мы знали, что наш конспиративный отпуск не вечен. И что настанет день, когда нам придется сбросить маски и взять в руки оружие, хранившееся в тайниках нашего трейлера и пикапа.

Гробик потому и отсиживался в трейлере, что выдать его за научного сотрудника было нельзя при всем старании. Я, Бледный, Крупье и шейх аль-Наджиб – другое дело. Отрастив пижонские бородки, сделав цивильные прически (правда, я был вынужден побрить голову налысо) и нацепив очки с фальшивыми линзами, мы еще могли сойти за ученых. Но двухметровый громила с расписанным шрамами лицом, бычьей шеей и грубыми, словно у пахаря, руками мог притвориться разве что нашим телохранителем. Что тоже было недопустимо. Наличие охраны привлекло бы к нам лишнее внимание и заставило сквэжинцев считать нас важными персонами, к чему мы, естественно, не стремились. Наоборот, старались выглядеть как можно скромнее и безобиднее. Поэтому и заставляли Гробика притворяться спящим или больным, когда в наш псевдонаучный лагерь заглядывали визитеры.

Савелий все еще ждал ответа на свой вопрос, когда из дверного проема трейлера шарахнул выстрел. Заряд картечи снес половину черепа не успевшему ничего понять Гоче, и тот, выронив «сайгу», грохнулся навзничь в траву.

Следующим зарядом Гробик планировал уложить второго наиболее опасного противника – Бесяру. Но, надо отдать должное этому пьянице и заядлому курильщику, реакция у него была отменная. Едва прогремел первый выстрел, как Савелий тут же нырком метнулся в сторону и плюхнулся в траву. После чего не мешкая выстрелил навскидку в ответ.

Его обрез тоже был заряжен картечью. Она могла бы угодить в меня, если бы я продолжал стоять столбом, а не пригнулся сразу, как только наш стрелок вырвался из трейлера. Картечь просвистела у меня над головой, перебила стойку солнцезащитного зонтика, вышибла трейлерное окно и, возможно, повредила что-то из оборудования. Впрочем, переживать о нем не стоило – все оно хоть и было настоящим, но обреталось у нас исключительно для отвода глаз.

Остальные трое грабителей повели себя по-разному. Один от испуга онемел и застыл столбом на полусогнутых ногах. Другой, наоборот, подобно мне, пригнулся и разразился бранью, но тоже остался на месте. Разумнее и храбрее всех оказался третий – тот, что шел по правую руку от Гочи. Выроненный мертвецом карабин упал рядом с этим мачетеро. После чего он, недолго думая, отбросил тесак и, подхватив «сайгу», занял в строю место павшего собрата.

Само собой, Гробик не собирался воевать в одиночку против пятерых врагов. Вытащить за раз каждому из нас по винтовке он тоже не мог, поскольку планировал с ходу открыть огонь, чего нельзя было сделать с занятыми руками. Поэтому капитан – таким было его воинское звание, когда он дезертировал из Ведомства, – поступил рациональнее: взял в руки шестна-

двдтизарядный штурмовой дробовик «SRM» и сунул за пояс три пистолета. А, очутившись снаружи и придержав бандитов картечью, быстро переброеил затем ружье мне, два пистолета – Бледному и Крупье, а один оставил себе. Шейху оружия не досталось, но нам должно было хватить и этого.

В общем, когда получившие отпор враги взялись отстреливаться, на два их ствола (вернее, три, если быть точным) приходились четыре наших. Ну а калибр и дальнобойность оружия на столь короткой дистанции особой роли уже не играли.

Единственный стоящий в полный рост участник перестрелки – растерявшийся при первых выстрелах бандит – был моментально уокошен Бледным, всадившим ему из «беретты» две пули в грудь. В ответ по нам вновь шарахнул обрез – Бесюра делал это практично, стреляя поочередно из каждого ствола, а не дуллетом. Затем впервые огрызнулась «сайга». На сей раз враг палил ниже, но его картечь попадала в набитые металлическим хламом контейнеры, за которыми мы попрятались. Эти не вызывающие подозрения укрытия были заблаговременно расставлены нами вокруг трейлера именно на такой экстренный случай. Разве что обороняться мы собирались не от братвы. Помимо нее у нас имелся более серьезный противник, который уже прибыл в Скважинск или должен был вот-вот прибыть.

Вряд ли Савелий рассчитывал, что мы окажем сопротивление, но запасные патроны он с собой прихватил. Перезарядив обрез, он вновь выстрелил в мою сторону, но опять безрезультатно. И потому, видя, что мы хорошо укрепились, решил выкинуть белый флаг. Что было, в общем-то, ожидаемо. Как любой нарвавшийся на яростный отпор грабитель, Бесюра не горел желанием подыхать почем зря, когда у него имелись пути к отступлению.

– Не стреляй, профессура! – заорал он во всю глотку, стараясь перекрычить хлопки пистолетных выстрелов. – Ша, мы сваливаем! Никаких предьяв, все в ажуре! Мы типа все поняли, никто на вас больше не наедет, даю слово!

– Отставить огонь! – скомандовал я. И когда с нашей стороны прекратились выстрелы, обратился к Савелию с ответным требованием: – Ладно, бродяги, никаких обид! Будем считать, что разобрались! Забирайте трупы и проваливайте отсюда! Даю вам на это ровно три минуты! Время пошло!

За отпущенный мной грабителям срок можно было успеть дотащить мертвецов до машины, погрузить их в багажник и уехать. Поэтому троица уцелевших «налоговиков», недолго думая, воспользовалась нашим милосердным предложением. Савелий взял за шиворот тело Гочи, бандит с мачете подхватил под мышки второго мертвеца, а стрелок с «сайгой» их прикрывал, пятась позади собратьев и нервно водя стволом карабина вправо-влево.

– Босс? – вполголоса поинтересовался у меня присевший за соседним контейнером Бледный.

Я прекрасно понял, что означает его лаконичный вопрос. Он тоже знал наперед, что я ему отвечу. Савелий и его братва воспользовались ситуацией и под шумок разыгравшейся в городе катастрофы попытались обогатиться за наш счет. Со стороны Бесюры это был прагматичный и совершенно оправданный поступок. Мы – бывшие головорезы из военной разведки, а ныне просто наемные головорезы – тоже были прагматиками до мозга костей. И тоже были не прочь воспользоваться ситуацией, чтобы завершить под шумок незаконченное дело. А закончить его требовалось обязательно – нам так же, как братве, не хотелось оставлять за собой нежелательных свидетелей.

– Кацман! Дай свет! – негромко окликнул я Гробика, который засел ближе всех к прожектору. Тому самому, что в порядке устрашения хотел разбить Бесюру. Картечь его тоже вроде бы миновала – по крайней мере, я не слышал хлопка и звона разбитой лампы. Протянув руку, капитан развернул прожектор в нужную сторону и щелкнул выключателем. Тотчас ослепительный луч света ударил в глаза бандитам, выеветив во мраке их пятившуюся к «бумеру» компа-

нию. И сразу вслед за этим «SRM» в моих руках выплюнул двойной заряд картечи в стрелка с «сайгой».

Прежде чем упасть, щедро наштигованный свинцом бандит также успел выстрелить в ответ. И даже сумел погасить фонарь, снова погрузив подступы к лагерю в темноту. Только для него и для тех, кого он прикрывал, это уже ровным счетом ничего не решало. Мы успели взять их на мушки, и деваться им теперь было некуда.

– А-а-а, суки-и-и-падлы-ы-ы!!! Всех порешу-у-у! – заблажил Бесяра, поняв, что его жестоко обманули. Но тут же поперхнулся и умолк, поскольку Крупье метким выстрелом вса-дил ему пулю прямо в рот. Падая, Савелий выпалил из обрез дуплетом в небо, после чего растянулся рядом с трупом Гочи и угомонился навеки.

Последнему грабителю удалось прожить дольше всех – труп собрата, которого он волок под мышки, закрыл его от первых летевших в него пуль. И все бы ничего, но с таким тяжелым щитом «везунчику» было далеко не уйти. Поэтому он бросил его, а также мачете и метнулся прочь сломя голову. Но не к машине. Все равно он не успел бы завести ее и удрать задним ходом – быстро развернуться на полевой дороге не получилось бы из-за глубокой колеи. Беглец поступил проще – рванул к ближайшему оврагу. Там у него было больше шансов укрыться от пуль и потом затеряться во мраке. Да вот несчастье – он остался в одиночестве, и весь наш огонь теперь сосредоточился на нем. А когда тебе в спину стреляют с короткого расстояния сразу из четырех стволов, уцелеть можно лишь при наличии у тебя огромного везения.

К несчастью для Бесяры и его подручных, никому из них удача сегодня не улыбнулась. Беглец достиг цели, но уже изрешеченный пулями и картечью. И потому не спрыгнул в овраг, а рухнул с обрыва вниз головой и скатился на дно уже мертвым. Спустившийся следом за ним Бледный вса-дил ему для гарантии еще одну пулю в голову, и на том наш конфликт с бандой Бесяры был исчерпан.

Прочие ее члены, включая главаря и «бумер», упокоились в том же овраге – не самом удачном месте для сокрытия трупов и улик, хотя сомнительно, что их обнаружат в ближайшее время. Но даже если обнаружат, расследование гибели известных на весь город бандитов вряд ли станет для полиции приоритетным делом. И начнется оно не раньше, чем уляжется хаос. А случится это явно нескоро, если вообще случится. Добравшийся до Скважинска Сезон Ката-строф, который уже десять месяцев бушевал на планете, пока лишь множил на ней аномаль-ные зоны. И только одна из почти сорока язв – та, что возникла под Новосибирском, – на сего-дняшний день исчезла. Да и то доподлинно неизвестно, исчезла она временно или навсегда.

– Что это, по-вашему, могло быть, полковник? – кивнув в сторону затянутого пылью города, поинтересовался у меня Крупье. – И с какими трудностями на сей раз нам придется иметь дело?

– Выясним, – отмахнулся я, не желая строить преждевременные догадки. – Что с небес упало, то уже обратно не улетит. Если только это и впрямь не летающая тарелка, о какой твер-дил наш дохлый коллекционер мобильных... Ты лучше скажи, что там с нашими докумен-тами и пропусками.

– А что с ними не так? – пожал плечами технарь. – Все документы давно готовы, данные о них загружены туда, куда я только смог добраться. Ну, а куда не смог, так в те базы ни одного проверяющего без специального запроса и прочей бюрократической волокиты не пустят. А она им нужна, особенно сегодня, в таком бедламе?

– Насчет этого я в курсе. Меня волнует другое: сможем ли мы воспользоваться нашей легендой именно в такой ситуации. Все-таки мы рассчитывали, что она окажется более... как это сказать... приземленной, что ли.

– В экстренной ситуации оперативная группа по контролю за наземными перевозками особо опасных грузов может беспрепятственно работать на любой запретной территории. Вплоть до той, что подверглась радиационному заражению, – пояснил Крупье. – Согласно

нашей новой легенде, мы отслеживаем маршрут перемещения контейнера с секретными химикатами, связь с перевозчиками которого прервалась в Скважинске в момент катастрофы. Короче говоря, пока я не вижу повода, чтобы кто-то нас в чем-то заподозрил и стал чинить нам препятствия.

– Что ж, обнадежил, – кивнул я и, обернувшись к остальным, распорядился: – А теперь, господа бывшие зоологи, всем быстро переодеваться. Через полчаса расчехляем *дескан* и приступаем к работе. И глядеть по сторонам в оба! Если Кальтер здесь, я хочу, чтобы вы заметили и прикончили его раньше, чем он заметит и прикончит нас...

Глава 2

Самый простой способ проникнуть на охраняемую территорию – это оказаться там еще до того, как вокруг нее выставят оцепление. Даже если у вас есть официальное разрешение, не факт, что вам удастся быстро попасть в запретную зону. Пока охрана не организует должным образом пропускной режим, возможны любые накладки. Поэтому охрану следует опередить – вот почему в данном случае поговорки «Спешка нужна лишь при ловле блох» или «Поспешишь – людей насмешишь» были неприменимы.

Кальтер, он же Константин Куприянов, и работающая с ним на пару его приемная дочь Верданди Самойлова (или просто Вера) спешили в эпицентр скважинской катастрофы так быстро, как только могли. Пославший их почти на два века назад в прошлое – из две тысячи сто девяносто восьмого в две тысячи шестнадцатый год – Институт Темпоральных Исследований (ИТИ) снабдил агентов неплохим прикрытием: универсальным пропуском-хамелеоном. Он представлял собой высокотехнологичный карманный планшет, покрытый слоем пигментных нанороботов, способных изобразить на его поверхности любое загруженное ему в память удостоверение личности. Или иной документ, имеющий хождение в данной временной эпохе. Сам планшет также мог подгонять свои размеры под конкретные «корочки», однако всецело полагаться на него не стоило. Да, он легко проходил любую проверку на подлинность. Но агент, который им пользовался, мог не сориентироваться в обстановке и подделать неправильное удостоверение или пропуск. Которые потом будет очень трудно исправить на нужные, не вызвав к себе подозрений.

Вот почему Кальтер и Вера рванули к месту падения странного объекта, едва улеглось эхо грохота, с каким он ударился о землю. Агенты КВК – отдела Контроля Временного Континума при ИТИ – были заброшены в Скважинск всего сутки назад и еще толком здесь не осмотрелись. Но раздобыть машину, чтобы доехать до места, им удалось без труда. Во время падения пылающего «нечто» автомобильное движение на улицах Скважинска практически встало. Десятки людей останавливали машины прямо на проезжей части и, покинув их, с любопытством и страхом таращились в небо. Еще до того, как небесный гость ударился оземь, Куприянов с напарницей беспардонно уселись в одну из таких брошенных с открытыми дверцами машин – серебристую «Субару». А затем, ударив по газам, свернули в ближайший переулок, затем во второй, потом в третий и скрылись.

Они не видели, как отреагировал на их выходку хозяин машины. Возможно, он был настолько поражен зрелищем, что не заметил ее пропажи. Но, так или иначе, вызвать полицию и заявить об угоне он не успел. И не только потому, что в городе внезапно исчезла мобильная связь. Через пять минут в Скважинске разразилась доселе невиданная в этих краях катастрофа, и город тут же охватили хаос и паника.

– Как мы пойдем, куда именно нам ехать, дядя Костя? – спросила Вера, глядя с тревогой на летящее им навстречу густое облако пыли. – Во-первых, сейчас будет не видно ни зги. А, во-вторых, ты заметил, сколько всего было взрывов?

– Пять, – ответил Куприянов, чье тренированное зрение зафиксировало все подробности столкновения объекта – или, вернее, объектов, – с землей. – Один крупный и четыре помельче. Все вроде бы в черте города. Первым делом осмотрим место, где был самый большой взрыв. Далее действуем по обстановке.

Машина въехала в непроглядную серую тучу. Сидящему за рулем Кальтеру пришлось сбавить скорость, чтобы не вылететь на тротуар и не столкнуться со встречными автомобилями. Цель агентов находилась в левобережной части города, и главной преградой на пути к ней мог стать мост через Чучуйку. Если на нем образовался затор или полиция успела его бло-

кировать, это сильно осложнит им задачу. И все же Куприянов сомневался, что местные слуги закона способны работать с такой оперативностью.

– Ну а теперь ты мне объясни понятным человеческим языком, с чем конкретно нам предстоит иметь дело, – попросил Кальтер. – Потому что из всей заумной ерунды, какую мы выслушали на инструктаже в КВК, я усвоил лишь одно: здесь ожидается временной катаклизм, по сравнению с которым заброшенный в Дубай динозавр был еще цветочком.

– Пожиратель гигантов – не динозавр, – поправила Верданди напарника. – Он млекопитающий... Хотя теперь это не важно. Да, по прогнозам хроноаналитиков, со дня на день в Скважинске должен произойти так называемый временной кульбит. То есть аномалия, при которой один человек или группа лиц оказываются отброшенными назад во времени. Размах такого катаклизма прямо пропорционален количеству угодивших в него людей. Чем их больше, тем, соответственно, хуже будут последствия. С начала Сезона Катастроф подобные кульбиты стали возникать на данном временном отрезке повсеместно. Последний был зафиксирован не так далеко отсюда – в деревне Косогорье, что под Архангельском. Но если оценивать их серьезность по десятибалльной шкале, все они не тянут даже на двоечку. То есть, мы их регистрируем, анализируем, но не придаем им большого значения, поскольку эти явления не так уж редки, давно изучены и, как правило, не имеют далеко идущих последствий. Здесь же вполне может быть минимум твердая «четверочка». А это уже требует оперативного вмешательства.

– Последствий какого рода опасается ИТИ?

– Когда жертвами временного кульбита становится один или два человека, самое страшное, что им грозит, это заточение в психушку. Поэтому те из них, кто благоразумнее, помалкивают о случившемся с ними аномальном происшествии. Боятся, что их объявят сумасшедшими. Вот почему Контроль Временного Континуума не вмешивается в подобные инциденты. На этом уровне их урегулирование происходит само собой, без лишнего шума. Но чем больше жертв попадает в кульбит, тем сложнее им сохранить это в секрете и не повлиять на естественный ход истории. Ну а если их количество исчисляется десятками или даже сотнями, представляешь, как сильно это событие исказит содержание Книги Времени?

– Насколько вообще точны прогнозы насчет Скважинского кульбита?

– В таких случаях они никогда не бывают точными. Благодаря тебе и твоей дубайской командировке мы знаем, что кульбиты две тысячи шестнадцатого года напрямую связаны с черными разломами и затеянной «серыми» игрой. Это облегчает нам задачу, но ненадолго. Местная временная аномалия будет иметь прямое отношение к пакалям – это несомненно И если мы их отыщем, то гарантированно предотвратим кульбит. А не отыщем – рискуем сами очутиться в нем и быть отброшенными назад в прошлое. Кстати, по этой же причине нам с тобой не разрешили оставить здесь таймбот. Для него такие аномалии все равно что электромагнитный импульс для компьютера. А мне еще за ту машину времени, которую «серый» уничтожил в Дубае, предстоит в ИТИ объясняться. Вдобавок, если мы сами угодим в кульбит, таймбот окажется не только неисправным, но и безнадзорным. И не сможет в случае своего обнаружения самоликвидироваться. Что тоже категорически недопустимо.

– Как далеко нас может отбросить во времени?

– От нескольких часов до нескольких лет. Твоя жизнь при этом как бы отмотается назад, к определенной точке. Но будешь помнить все вплоть до того момента, как ты угодил в кульбит.

– Что ж, хороший повод начать жизнь заново и исправить допущенные ранее ошибки, – заметил Кальтер, глянув на свое отсутствующее левое предплечье, вместо которого теперь стоял высокотехнологичный стальной протез.

– Или, наоборот, натворить новые ошибки, гораздо более ужасные, – возразила Вера. – Изменить свою жизнь к лучшему, вернувшись в прошлое, удастся только в кино. На практике этому мешает великое множество факторов, из которых ты способен учесть от силы два-три

– те, что являются для тебя очевидными. Но прочие так или иначе будут подталкивать тебя жить так, как ты привык. И ты опять начнешь делать то, что получается у тебя лучше всего.

Мост миновали без задержек, разве что едва не столкнулись лоб в лоб с каким-то ошалелым торопыгой на микроавтобусе. Отчаянно сигналив, он выскочил на встречную полосу и отвернул в сторону за миг до столкновения – вероятно, вез в больницу раненых из пострадавшего района и потому спешил как мог. Хаос вокруг быстро разрастался, а пыль и темнота его только усиливали. Все чаще на пути агентов встречались разбитые машины. И все больше испуганных людей выскакивали на дорогу, того и гляди норовя угодить под колеса.

– Отлично! – заметил Кальтер, притормозив на перекрестке, чтобы пропустить БТР, а также движущийся за ним крытый военный грузовик. – Армия уже здесь. МЧС тоже вот-вот подтянется, так что с формой мы подгадали. Хорошо бы еще с документами не ошибиться. В памяти наших «умных корочек» есть данные о военных спасателях?

– Есть, – кивнула Верданди, раскрыв планшет-хамелеон и просматривая содержимое его вместительной памяти. – Вот, по-моему, неплохой вариант: эксперты по химической разведке. Противогазы у нас с собой. Компактное оборудование, которое можно выдать за газоанализаторы и прочие инструменты – тоже. Умных слов я знаю много, да и ты, наверное, еще не всю таблицу Менделеева забыл.

– Не забыл, – согласился Куприянов. – Чтобы пустить пыль в глаза, этого хватит. Ладно, пускай будут химики. Главное, не попадаться на глаза настоящим химикам, а то они нас живо раскусят.

Вскоре выяснилось, где именно им предстояло заниматься «химической разведкой». Большой взрыв прогремел в промзоне, располагавшейся вокруг местного элеватора, где в связи с началом уборочной страды работы велись в три смены. По этой причине количество жертв там, наверное, исчислялось десятками, и то в лучшем случае.

Толпы людей, спешащих в еще не оцепленную зону бедствия, быстро росли. И потому прибывшие сюда военные столкнулись с серьезной проблемой – брошенными в беспорядке автомобилями, через которые их колонна не могла пробиться. Вернее, могла, но пока пыталась проложить себе дорогу, не прибегая к тарану – гудением клаксонов и криками в мегафоны.

Не помогало. Заблокированная легковушками и скопившимися перед элеватором грузовиками с зерном армейская техника, похоже, крепко застряла на подступах. А позади завывали сиренами и сверкали мигалками машины «Скорой помощи» и пожарной охраны. Которым, в свою очередь, мешали уже не только гражданские, но и военные автомобили.

Мнимые химики бросили «Субару» на обочине, не доезжая до скопления транспорта, и присоединились к неорганизованной группе врачей, которые не стали дожидаться, когда их машины прорвутся через заслоны. Подхватив чемоданчики и носилки, эти медики решили добраться до пострадавших пешим ходом. Большинство зевак не рисковало соваться на задымленную территорию, толпясь за оградой промзоны. Но прочие – видимо, те, у кого здесь работали родственники или друзья, – спешили туда наряду со спасателями. Элеваторная охрана и не думала им препятствовать. Она была слишком малочисленна, чтобы сдерживать натиск толпы, да и зачем вообще ее сдерживать? Люди рвались сюда с искренним желанием спасти пострадавших, и отказывать им в этом было бы сродни преступлению.

Две лишние пары рук спасателям явно не помешали бы, но Кальтер и Верданди прибыли сюда не за этим. Подобно пилотам захваченного террористами самолета, они думали не о чьих-то конкретных жизнях, а о том, как благополучно посадить лайнер и не дать погибнуть всем пассажирам и членам экипажа. Поэтому, едва агенты проникли на территорию элеватора, они сразу отделились от врачей. И стали действовать обособленно, стараясь держаться подальше и от жертв трагедии, и от спасателей.

– Металлоискатель? – лаконично осведомился Куприянов у напарницы, когда они расчехлили необходимое оборудование.

– Включен и откалиброван, – доложила она. – Однако здесь слишком много металла, а он может экранировать разбросанные артефакты... Если, конечно, они тут вообще есть.

– Если есть черный разлом, значит, должны иметься и пакали, – заключил Кальтер. – Для начала давай исследуем взрывную воронку. Где еще, как не там, быть гипотетическому центру Скважинской аномальной зоны?

Отыскать космический объект и место его столкновения с Землей было уже не так сложно. Сопоставлять его, к примеру, с Тунгусским метеоритом, конечно, не стоило, но кое-какие общие последствия у этих двух катастроф имелись. А именно – деревья и столбы, поваленные промчавшейся по округе ударной волной. Все они, а также другие металлоконструкции, упали верхушками в сторону границы промзоны. «Химикам» оставалось лишь взять курс туда, куда указывали основания валявшихся столбов и древесных стволов, и не отклоняться от прямого маршрута.

Впрочем, они и так не прошли бы мимо воронки. Она, а также окаймляющий ее, образовавшийся при ударе земляной вал занимали немалую площадь. Склады, цеха, сушилки, дробилки, сепараторы, зерновые бункеры, транспортеры, эстакады, тепловые и силовые магистрали... На границе промзоны они выглядели практически неповрежденными, но по мере приближения агентов к цели разрушения становились все сильнее. В самой воронке и по ее краю здания, оборудование и прочие конструкции были и вовсе уничтожены. А их обломки перемешались с землей так, будто по ним целую неделю раскатывала дюжина бульдозеров.

Сам элеватор – угловатая и продолговатая бетонная коробка с башенной надстройкой посередине – на первый взгляд выглядел неповрежденным. От него до кратера было довольно далеко, а ударная волна вряд ли нанесла урон такой громадине... на первый, опять-таки, взгляд. Но если присмотреться, сквозь пыль и дым было заметно, что одна из стометровых стен зернохранилища – та, что была к воронке ближе всех, – опасно отклонилась от вертикали. И теперь она напоминала во мраке чуть скошенный борт исполинского морского судна. Насколько она устойчива, определить не удавалось, но творящийся вокруг хаос сказывался на ее равновесии не лучшим образом.

Радиационный фон в эпицентре держался выше нормы. Хотя и не настолько, чтобы бить тревогу и изгонять отсюда всех выживших. Рост радиации мог продолжиться, но пока этого не происходило. Причиной ее скачка служил, разумеется, космический гость, который вряд ли являлся простым метеоритом. Кальтер предположил, что на Скважинск обрушился орбитальный мусор вроде обломков ракеты-носителя. И все же было в этой теории нечто, лишшающее ее правдоподобия и логической стройности. А именно – габариты мусора. С трудом верилось, что в ближнем космосе могло быть когда-то утеряно нечто подобное. Пускай скептики называют околоземное пространство две тысячи шестнадцатого года большой космической свалкой, такой мусор все равно выглядел бы там слишком заметно. Так же заметно, как выглядела бы, к примеру, списанная в утиль подлodka на свалке провинциального городка типа того же Скважинска.

Пройдя вдоль кольцеобразного земляного барьера, агенты нашли место, где отсутствовали зеваки, и взобрались на вал. Спасателей на нем не было. Они бежали прежде всего туда, откуда доносились крики о помощи, а здесь раздавались лишь треск пламени, скрежет деформированного металла и шум скатывающихся в кратер осей. Наверняка под этим завалом тоже находились люди, но все они молчали. Впрочем, при взгляде на него становилось ясно, почему Кальтер и Вера не слышали криков. Даже если там кто-то выжил, он был либо контужен, либо погребен в земле, либо то и другое вместе, поэтому шансов дожидаться помощи у него почти не оставалось.

С вершины вала стало возможно оценить размеры воронки и наконец-то увидеть причину, которая ее породила. Когда Кальтер рассмотрел, что пробило в земле яму диаметром

более ста и глубиной примерно двадцать метров, он лишь покачал головой и озадаченно про-
бормотал:

– Невероятно! Вот так сюрприз!

– Что-то не так, дядя Костя? Разве не этот космический мусор мы должны были здесь обнаружить? – удивилась Верданди.

– Какой угодно мусор, но только не такой, – ответил Куприянов. – Кое-кто из моих знакомых по прошлой жизни продал бы душу дьяволу, чтобы хоть одним глазком взглянуть на это. Ты хотя бы примерно представляешь, что мы нашли?

– Похоже на космическую станцию. Только цвет у нее странный. Какой-то он... совсем не космический, – заключила Вера, продолжая осматривать издали лежащую на дне воронки конструкцию. Она состояла из нескольких разновеликих цилиндрических и шарообразных модулей, некогда соединенных между собой перемычками шлюзовых отсеков. При ударе о землю эта «гирлянда» разорвалась в нескольких местах, и о прежней ее конфигурации можно было лишь догадываться. Дымящиеся модули и их обломки разлетелись по воронке, а некоторые зарылись в ее склон. Вокруг них валялась уйма других покореженных конструкций, не похожих на детали зерноперерабатывающих агрегатов. Судя по всему, еще недавно это были элементы солнечных батарей, антенн, датчиков и иного внешнего оборудования станции, не успевшего сгореть в плотных слоях атмосферы. Отсюда следовал вывод, что прочие обрушившиеся на Скважинск объекты являлись фрагментами этого орбитального сооружения и оторвались от него на подлете к Земле.

Однако самой странной его особенностью, как подметила Верданди, являлся цвет, в какой была окрашена станция. Могло показаться, что сплошь черной она стала, обгорев в процессе падения, но это не так. Наоборот, следы горения на модулях нельзя было рассмотреть во мраке из-за черного покрытия их корпусов. И не просто черного. Его цвет отличался такой глубиной и однотонностью, что те места обшивки, куда не налипла грязь, выглядели прямо-таки маленькими «черными дырами». Такого же цвета было внешнее оборудование, а также консоли и кронштейны, к которым оно крепилось. И лишь грязь да отблески пламени придавали окраске станции хоть какую-то пестроту и разнообразие.

– Я не слишком хорошо разбираюсь в этом вопросе, – продолжала Верданди, – но, насколько мне известно, космической станции «Мир» в две тысячи шестнадцатом уже не существовало. А для «Международной» эта штука явно маловата. Разве только на Скважинск упала не она, а лишь ее фрагмент...

– Могу поспорить, что с МКС сейчас все в порядке, – ответил Кальтер. – И с китайской «Тяньгун» – тоже. То, что ты видишь, по всем признакам напоминает так называемый «Черный фантом» – секретную американскую станцию, которую разведки многих стран считали мифом.

– И твое Ведомство – тоже?

– Ведомство почти не интересуется космосом – оно по большей части копошится в земной грязи. Но кое-какая непроверенная информация до нас доходила. Американцы якобы смонтировали «Черный фантом» на гораздо более высокой орбите, чем МКС – то ли полторы тысячи километров, то ли еще выше. Материалы туда доставлялись под видом обычных спутников связи. Станция довольно крупная и, тоже по слухам, защищена специальным покрытием. Оно не только предохраняет космонавтов от высокого излучения, ослабляя его каким-то сложным высокотехнологичным способом. Также оно отлично поглощает солнечный свет, не позволяя засечь объект с Земли.

– И что за эксперименты военные проводили на «Черном фантоме»? Понятно, что тоже секретные. Но ведь у вас были на сей счет какие-то версии?

– Версий на самом деле выдвигалось много. Но проще было бы обнаружить «Фантом» в телескоп, чем найти среди наших догадок ту, что походила на правду. Да и кто бы ее искал? Сначала требовалось раздобыть доказательства, что такая станция вообще существует, а уже

потом пускать эти данные в оперативную разработку... Что ж, вот они и доказательства. Да такие, что о других и мечтать не приходится. Жаль, после затопления Москвы и тектонического «выверта» в Питере этот подарок мало кого обрадует. Но лишним тоже не будет, даю гарантию.

– Если наш разлом находится на внешней поверхности одного из модулей, отсюда его не обнаружить, – сокрушенно заметила Верданди, осматривая станцию в бинокль. – Придется спуститься в воронку и исследовать объект вблизи.

– Придется, – согласился Кальтер. – Одно скажу точно: грязи поверх разлома не будет. Я этот «след Иблиса» в Дубае хорошо изучил. Он поглощает весь мусор, что входит в соприкосновение с его поверхностью.

Некоторые из самых отчаянных – и предприимчивых – зевак (в основном молодежь) уже спустились по склону и ходили вокруг раздолбанного в хлам космического гостя, фотографируя его на мобильные телефоны. Кальтер в который раз за последние пятнадцать лет отметил про себя, как же трудно стало блюсти секретность в современном «мобильно-цифровом» мире. То ли дело раньше: маловероятно, что в подобной ситуации у кого-то из таких вот свидетелей оказался бы под рукой фотоаппарат. А если бы и оказался, невелика беда. Пока будет проявлена пленка и напечатаны снимки, пока на них отыщется покупатель, пока снимки дойдут до редакции, пока их поместят в какую-нибудь газету, а ее затем развезут по адресатам... За время, что потребовалось бы тогда для обнародования секретных сведений, спецслужбы пять раз успели бы их перехватить и сохранили бы этот инцидент в тайне. А что сегодня? Одно нажатие на кнопку карманного телефона, и сенсационное фото уже вывешено в Интернете, где его могут увидеть миллионы пользователей со всего мира. Причем задолго до того, как спецслужбы оцепят район катастрофы. Немыслимая скорость распространения информации! А если вдобавок учесть, по скольким каналам одновременно она может быть распространена...

Хотя нет, у этих любителей горячих интернет-сенсаций праздника не будет. По крайней мере, здесь и сейчас, ведь мобильная связь отсутствует. А пока они отводят душу, нащелкивая снимки, вокруг воронки выстроится оцепление, а то и не одно. И раз уж военные прибыли в город до катаклизма, значит, у них есть сведения, с чем они тут столкнутся. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что вскоре эти зеваки расстанутся со своими мобильниками в принудительном порядке. Никакого произвола – обычное дело для мест, где вводится чрезвычайное положение.

Кальтеру и Вере снимки «Черного фантома» не были нужны. Да и сам он интересовал их постольку поскольку. Их портативный металлоискатель являл собой самую современную для 2016 года модель и обнаруживал объекты любой заданной конфигурации в радиусе пятидесяти метров. Иными словами, дойдя до центра воронки, агенты могли просканировать ее всю. Другой вопрос, не создадут ли им помехи обломки станции. Если разлом здесь, разбросанные вокруг него пакали могут быть придавлены модулями, сдвинуть которые с места вдвоем, без помощи техники, явно не удастся.

Прогонять от «Фантома» гражданских, как поступили бы настоящие военные, агенты КВК не стали. Не хотели привлечь к себе лишнее внимание и засветиться потом на фотоснимках зевак. Кальтер велел Вере держаться от них подальше и не поворачиваться к ним лицом. Но боковым зрением заметил, что многие из гражданских нацелили «глазки» встроенных в мобильники камер в их направлении. А кто-то самый любопытный не вытерпел и прокричал:

– Эй, ребята! Да-да, вы двое, в камуфляжах! Вы кто? Вы случайно не из космического агентства?

– Без комментариев! – не оборачиваясь, крикнул в ответ Кальтер. Пока Вера искала гипотетический центр воронки, он с помощью фонарика бегло осматривал модули, мимо которых они проходили. Документы-хамелеоны и куприяновский протез – многофункциональная модель, разработанная для скалолазов-инвалидов, – являлись их единственным оборудованием, не имеющим аналога в данной временной эпохе. Прочие их инструменты, а также ору-

жие полностью ей соответствовали, хотя и были самыми современными моделями. Чего не нашлось ни в ИТИ, ни здесь, так это индикатора черных аномалий. И потому скважинский разлом, так же как дубайский, тоже пришлось разыскивать прадедовским способом. То есть буквально на ощупь – тыча в обломки станции телескопическим шупом. Который при необходимости тоже легко превращался в оружие, поскольку в него был встроен шприц с быстродействующим снотворным.

– Вот здесь наша точка отсчета, дядя Костя! – доложила Верданди, остановившись рядом с наполовину зарывшимся в землю самым крупным цилиндрическим модулем – судя по всему, базовым. – Будем считать, что это и есть центр аномальной зоны. А теперь попрошу меня не отвлекать – начинаю детальное сканирование местности.

Кальтер украдкой обернулся и отметил, что в десятке шагов позади плетутся трое зевак с фотоаппаратами наготове. Они боялись приближаться к суровым людям в униформе, и в то же время им не терпелось разнюхать, что эта парочка военных тут выискивает. Само собой, зеваки обратили внимание на то, с какой оперативностью исследователи появились на месте происшествия. И это лишь раззадоривало любопытство охотников за сенсациями.

Следя за скучной работой «химиков», зеваки надеялись, что им удастся подсмотреть или подслушать что-нибудь любопытное. Такое, из чего получатся сногсшибательные комментарии к фотографиям, которые они потом выложат в Сеть. Их прогнозы оправдались – вскоре и правда кое-что случилось. Зеваки ошиблись в одном. Подозревай они, какой на самом деле им уготован сюрприз, то мигом рванули бы прочь без оглядки...

Пока Верданди сканировала местность на предмет обнаружения пакалей, Кальтер нетопливо обошел вокруг главного модуля. И, тыча в него шупом, надеялся, что они с напарницей все-таки отыскали центр зоны, а с минуты на минуту найдут разлом и пакали. Однако, исследовав объект со всех сторон, Куприянов с сожалением подытожил, что на его корпусе нет никаких аномалий. А те разломы, какие есть – это самые обычные трещины. Правда, заглянуть через них внутрь не удалось, поскольку все они были слишком мелкие.

Модуль был сильно измят, поэтому его шлюзовые люки оказались перекрыты и заблокированы. Каких-либо опознавательных знаков на нем также не нашлось, но для секретной станции, летавшей над Землей в режиме «стелс», это было неудивительно. Вблизи – на расстоянии вытянутой руки – уровень радиационного фона модуля резко подпрыгнул вверх, и Кальтер не стал проверять, из чего сделано его защитное покрытие. На вид оно напоминало твердый полимер вроде тефлона. Но в действительности это явно был не он, поскольку такой материал сгорел бы при падении «Фантома» сквозь плотные слои атмосферы.

Не найдя «след Иблиса», Кальтер тем не менее обнаружил кое-что другое. Или, вернее, сначала ощутил это кожей. За те несколько минут, что он обходил модуль, температура вокруг него стала подниматься, и довольно быстро. Чувствовалось, что тепло исходит именно от этого объекта, и что воздух нагревается лишь рядом с ним, а не во всей воронке. Отступив на несколько шагов, Куприянов не заметил, что поверхность «Фантома» начинает раскаляться или дымить. Из трещин сочилось едва заметное свечение, и, когда Кальтер ощутил жар, обшивка уже накалилась так, что от нее можно было бы прикурить сигарету. А также обжечь лицо, попытавшись приставить глаз к щели, дабы выяснить, что же нагревается в утробе этого космического монстра.

– Ну как твои успехи? – поинтересовался он у Веры, не сводя взгляда с подозрительного модуля. – Долго еще?

– Я же просила меня не отвлекать... – заворчала она, но напарник ее перебил:

– Придется отвлечься. Что-то здесь не так. Радиация не повышается, но «бочка» раскаляется изнутри, хоть бифштексы на ней жарь. Не знаю, в чем тут дело, но нам лучше уйти отсюда. И поскорее.

– Еще минутку, дядя Костя, – попросила Верданди, проверив по индикатору время, оставшееся до завершения сканирования. – Исследую последний сектор.

– Ладно, заканчивай, – не стал спорить Кальтер. Модули станции были рассчитаны на гигантское давление – и внешнее, и внутреннее. Раз нагревающийся отсек не развалился при контакте с землей, внутренний взрыв одного или даже нескольких кислородных баллонов он подавно выдержит. Ну а если дело все-таки не в них, а в ядерном реакторе, бежать уже бесполезно – шарахнет так, что четверть города взлетит на воздух, не говоря о радиационном заражении...

Впрочем, пока у агентов не было повода не доверять своему дозиметру. Он работал в дежурном режиме и не торопился поднимать тревогу.

К этому времени в небе над Скважинском барражировало уже множество вертолетов, и их шум Кальтера не настораживал. Но когда сразу три транспортно-боевых «Ми-24» вдруг зависли над кратером, и с каждого из них были сброшены спусковые фалы, Куприянов понял, что уйти отсюда тихой сапой у них с Верой не получится.

К месту падения «Черного фантома» прибыл десант. И прибыл он вовсе не за тем, чтобы помогать спасателям в поисках пострадавших. Спускающаяся с вертолетов команда, подобно агентам КВК, тоже имела четкую цель: обеспечить секретность, блокировав подступы к обломкам станции и растянув над ними маскировочные тенты. Последние, свернутые в тюки, были сброшены на землю еще до того, как десантники заскользили вниз по фалам. После чего все зрители тут же переключили внимание на новых участников действия, взявшись фотографировать их эффектный спуск с вертолетов.

И тут зеваки в полной мере прочувствовали на себе справедливость поговорки «Любопытство сгубило кошку». Пока они щелкали фотокамерами, три десятка очутившихся на земле вояк быстро оценили обстановку, отрезали им пути к бегству и грубыми толчками согнали публику с вала в воронку. А затем, игнорируя протесты, подвергли свидетелей обыску, изъяв у них мобильники, фотокамеры, флэшки и прочие гаджеты, где могли храниться отснятые здесь снимки.

Во избежание недоразумений или конфликта Кальтер даже не подумал убежать и прятаться. Сложив шуп и засунув его в карман «разгрузки», он решительной походкой направился к командиру десантной группы, замеченному им еще издали. Помня наказания дяди Кости, Вера также убрала с глаз все подозрительное оборудование. И пошла следом, изображая из себя уже не напарницу Кальтера, а его дисциплинированную подчиненную.

Взводом десантников командовал майор Тульский (о чем сообщала его нагрудная нашивка). Это не выглядело странным, потому что в подчинении у майора были не рядовые и сержанты, а сплошь капитаны да лейтенанты. Это, в свою очередь, свидетельствовало о том, что к месту падения иностранного космического аппарата выслали не обычных солдат-срочников, а элитный отряд спецназа. Какой именно отряд, было неясно – кроме нашивок со званиями и фамилиями другие опознавательные знаки у бойцов отсутствовали. Но наметанный глаз бывшего оперативника Ведомства легко мог определить, что эти ребята явно не из Центра, а местные. Работали они слаженно, однако легкая шероховатость в их действиях присутствовала. Что было заметно еще во время их спуска с вертолетов. Сразу становилось понятно, что бойцы Тульского упражняются в этом реже, чем их собратья по оружию из более натасканных столичных подразделений.

Когда агенты приблизились к Тульскому, он и двое его сопровождающих как раз шарили по карманам троицы зевак, что преследовала «химиков». Фальшивое звание Кальтера было таким же, как у командира спецназовцев, и он не стал вытягиваться перед гостем во фронт, а, козырнув, просто представился и представил свою помощницу:

– Майор Капустин, отряд химической и радиационной разведки Тысяча первого Спасательного центра МЧС, город Самара. Это – мой стажер, лейтенант Сопаткина. Действуем

согласно тревожному расписанию вместе с местными подразделениями, где я с мая этого года провожу переподготовку офицерского состава.

– Быстро вы здесь очутились, – заметил Тульский после того, как представился сам. – Даже слишком быстро. Будьте добры, позвольте взглянуть на ваши документы.

– Разумеется. – Кальтер протянул майору свои и Верины «корочки», затем добавил: – Вы правы – мы спешили, как могли. Просто не стали дожидаться, когда наша автоколонна доберется до промзоны, а прибежали сюда вместе с медиками. Сами понимаете, если здесь образовался очаг высокой радиации, следовало выяснить это как можно раньше.

– Руку на службе потеряли? – Тульский указал глазами на приметный протез Кальтера.

– Никак нет, – ответил он. – В автокатастрофе, четыре года назад. Ехал в дождь с дачи домой, не вписался в поворот, врезался в дерево, ударился головой, потерял сознание... Только когда очнулся, то вместо гипса увидел кое-что похуже.

– Понятно. Сочувствую... Ну и много вы успели собрать здесь данных, майор?

– Немного, – почти честно признался Куприянов. – Проверили воздух на токсичность, потом приступили к замерам радиации. Осмотрели примерно половину объектов. Фон излучения повышен, но не опасен. Внутри самого крупного объекта находится очаг высокотемпературного возгорания, а также наблюдается свечение, поэтому настоятельно рекомендую вам находиться от этого места подальше. Лучше воздержитесь от вскрытия данного объекта до тех пор, пока температура в нем не упадет до безопасного уровня.

– Видеосъемку не проводили?

– Пока нет. Мы собирались заняться ею позже, когда будет определен точный уровень угрозы. Но, насколько я понимаю, наша съемка теперь отменяется.

– Да, вы правильно понимаете текущую ситуацию... Что ж, благодарю за службу, однако вынужден просить вас покинуть эту территорию и вернуться в свое подразделение. – Тульский указал в сторону взбирающихся на вал зевак, которых его люди начали выпроваживать из воронки. И, вернув «химикам» документы, добавил: – Не беспокойтесь. У нас есть свои специалисты-химики, которые позаботятся о нашей безопасности. Всего вам доброго, майор... лейтенант...

Грохот, раздавшийся вдруг у Кальтера за спиной, заставил его и Веру резко обернуться. Это был сильный и гулкий удар по металлу, похожий на тот, что мог издать врезавшийся в цистерну автомобиль. В кратере не было ни машин, ни цистерн. Единственное, что могло так загреметь – какой-то из фрагментов станции. И Куприянов не сомневался, что это тот самый фрагмент, внутри которого что-то горело, а теперь, похоже, взорвалось.

Действительно, с корпуса главного модуля отваливались куски налипшей к нему грязи, а гнутые консоли вибрировали. А еще в люке выходного шлюза появились новые трещины. Сквозь них пробивался изнутри теперь уже не бледный, а яркий свет. Что за взрыв прогремел в модуле, неизвестно, но пожар там продолжался, и неслабый. То есть, скорее всего, версия Кальтера о выгорающих запасах кислорода была верной.

Однако вскоре после первого удара прогремел второй, примерно такой же по силе. Затем – еще и еще. Теперь они следовали друг за другом ритмично и уже не напоминали взрывы. Складывалось впечатление, что изнутри в заклинивший люк молотил таран. Вот только откуда бы он там взялся, и кто бы его раскачивал? Если астронавты не успели эвакуироваться с терпящего бедствие «Фантома», они бы не выжили после такого падения. Но факт оставался фактом: кто-то отчаянно пытался выбраться из запертой раскаленной печи, в которую превратился базовый отсек станции. А трескающийся и выгибающийся наружу люк говорил о том, что с минуты на минуту этот могучий некто окажется на свободе.

– Взвод, занять позиции! – зычно скомандовал Тульский, подняв руку и показывая жестами, каким образом должны рассредоточиться бойцы. Выгнав последних зевак, они разбежались по укрытиям и приготовились встретить кинжальным огнем любую вырвавшуюся из

«Фантома» угрозу. Вряд ли они знали, с кем или с чем им придется иметь дело. Но, судя по наличию у них ручных многозарядных гранатометов, ребята были готовы ко всему.

– Уходим отсюда! – поторопил Кальтер Веру, не дожидаясь повторного распоряжения. – Скорее! Нам тут и впрямь не место.

Полностью выполнять приказ майора они, однако, не стали. Выбравшись из воронки на вершину вала, агенты устроились за торчащей из земли, словно гигантское надгробие, железобетонной плитой и продолжили наблюдение. Оглядевшись по сторонам, Куприянов заметил, что половина зевак тоже решила остаться, пусть даже отныне они не могли документировать свои похождения на фотокамеры. Прогонять их отсюда сейчас было некому. Все спецназовцы находились на дне кратера, нацелив оружие на «Фантом», и не обращали внимание на все остальное.

Измятый и дымящийся люк вылетел из шлюза, прогрохотал по земле и остановился метрах в пяти от модуля. Из проема тут же вырвалась вспышка яркого пламени, превратив на миг ночь в солнечный день и выбросив наружу... нет, не какие-нибудь горящие обломки, а человека! Полностью объятый огнем, он выбежал из раскаленной печи, споткнулся и, упав на четвереньки, остался в этой позе перед взявшими его на мушку солдатами. Он не орал от боли, не звал на помощь, не катался по земле и не бился в агонии. Астронавт – а кто еще это мог быть? – просто замер на месте, как будто хотел сначала отдышаться и осмотреться. А тот факт, что он продолжает гореть, волновал его во вторую очередь. Или вообще не волновал, учитывая, с каким равнодушием он к этому относился.

Наверняка разгадка данного феномена крылась в скафандре, который нельзя было рассмотреть из-за слишком яркого пламени. И правда, что еще кроме сверхпрочного, антиперегрузочного и жароустойчивого скафандра помогло астронавту пережить сокрушительную аварию и пожар? А еще в это чудо техники был встроен внешний усилитель мускулатуры – экзоскелет. Тот самый, что позволил пилоту выломать заклинивший люк шлюза и освободиться.

Именно так, без задней мысли подумал Кальтер, глядя на горящего, но явно живого астронавта. Так же, очевидно, подумал и Тульский, поскольку иного разумного объяснения происходящему не существовало. Прежде чем накрыть обломки маскировочными тентами, с некоторых из них требовалось сбить пламя, поэтому спецназовцы прихватили с собой несколько компактных огнетушителей. Схватив их по приказу майора, трое бойцов закинули автоматы за спины и бросились на выручку пришельцу из космоса.

И тут стряслось такое, чего даже готовый, казалось бы, ко всему Кальтер совершенно не ожидал. Все, что требовалось от астронавта, это оставаться неподвижным и ждать, когда спасатели погасят огонь. Но как только на него обрушились три пенные струи, он испустил громкий, душераздирающий звук. В этом нечеловеческом вопле пронзительно высокие ноты сочетались со шкворчащим шипением – так, словно здесь не тушили пожар, а поджаривали на гигантской сковороде живого кита.

Продолжая кричать, астронавт рывком вскочил с четверенок. Притушенное было пламя вновь вспыхнуло, да с такой силой, что спецназовцы едва успели шарахнуться в стороны. Свою работу они не прекратили, но теперь три жалкие пенные струи просто растворялись в ревящем факеле, что в один миг вырос до невероятных размеров. В нем еще угадывались контуры человека, хотя сейчас он больше походил на натурального демона. А издаваемый им вопль лишь усиливал это сходство.

Чтобы металлический скафандр запылал с такой силой, его следовало облить напалмом, но уж точно не углекислотным реагентом. И потому произошедшие с астронавтом метаморфозы выглядели по меньшей мере странными. Впрочем, поразмыслить над этой загадкой пожарники все равно не успели. Какими бы осторожными они ни были, в следующую секунду огонь дотянулся до них.

Именно дотянулся – так, как дотягивается, например, охотящаяся змея до своих жертв. Три ослепительных протуберанца выскочили поочередно из человекообразного светила, и каждый угодил точно в живую цель. На сей раз никому из пожарников не удалось увернуться от стихии. Длинные языки пламени захлестнули их, и они в мгновение ока вспыхнули таким же ярким огнем. А затем с грохотом разлетелись на обугленные ошметки. Хотя в последнем был виноват не огонь, а гранаты и прочие боеприпасы, которыми были обвешаны вояки. И которые от высокой температуры мгновенно воспламенились и взорвались.

Реакция Тульского на гибель троих его бойцов была вполне естественной и прогнозируемой. Причиной их смерти стала не халатность или несчастный случай. Это было настоящее, неприкрытое убийство, ведь они находились на безопасном расстоянии от источника огня. И вспышки, что их прикончили, вовсе не походили на хаотические. Они напоминали струи мощного огнемета, тем более что других протуберанцев, которые плюнули бы мимо целей, больше не последовало.

– Огонь по факелу! – скомандовал майор, и отряд с энтузиазмом исполнил его приказ, открыв стрельбу из автоматов и пулеметов. Что за оружие использовал против спецназовцев явно рехнувшийся астронавт, они не знали. Зато знали другое: каким бы прочным ни был его скафандр, удары сотен пуль в любом случае контузят и сбывают с ног ходячего броненосца. А контуженный, он уже не сможет воспользоваться своим огнеметом.

Все бойцы Тульского являлись отличными стрелками и били точно в цель. Да только вот незадача: не было слышно ударов пуль по вражеской броне! Хуже того, было видно, как пули пролетают живой факел насквозь, врезаются в находящийся за ним модуль и... разлетаются дымящимися серебристыми брызгами! Огонь, что убил трех человек, расплавлял свинец в мгновение ока. И не только свинец, раз тот не встречал на своем пути ни малейшего сопротивления. Все, что скрывалось за пеленой пламени, уже не могло быть ни живым, ни даже мертвым человеком. И все же, каким тогда образом ему удастся выламывать люки, двигаться и отстреливаться? И не просто отстреливаться, а делать это с неизменным успехом.

Проливший – или, правильнее сказать, испаривший – первую кровь человек-факел двинулся вперед, навстречу отплевывающемуся свинцом противнику. Еще три протуберанца стеганули один за другим по ближайшим укрытиям стрелков, и три новых взрыва разметали по округе оставшиеся от людей угли. Пули продолжали прошивать огненное существо насквозь и плавиться в нем, не нанося ему сколько-нибудь заметного урона.

Впрочем, у Тульского имелись в запасе не только пули, но и более мощное оружие, которым он немедленно воспользовался.

– Гранаты пошли! – прокричал майор следующий приказ, и в бой вступили гранатометки. Бабаханье их орудий заглушило автоматно-пулеметную канонаду, а на месте живого факела взмыл в небо фонтан огня, дыма и пыли. Гранаты уже не могли пролететь сквозь существо и взрывались в его, так сказать, бесплотном теле, растворяя противника в более крупной вспышке пламени. Она поглотила его, как встречный вал вбирает в себя огонь несущегося по лесу пожара, после чего тот обычно сходит на нет и затухает...

...Но не в этом случае, когда земное пламя схлестнулось с аномальным, космическим. Защита по принципу встречного вала была здесь уместна, но и она, увы, не сработала. На миг разлетевшись вверх и вширь, огненное облако взрыва тут же стремительно сжалось и полностью исчезло. Почти как при обратном воспроизведении видеосъемки, разве что дым и пыль так и остались летать в воздухе. А сквозь них по-прежнему просвечивался пылающий силуэт существа, который мог не только порождать огненную бурю, но и укрощать ее. Так что теперь его было бы правильнее называть космическим монстром или демоном, а не астронавтом.

И этот неуязвимый для обычного оружия демон продолжал неумолимо наступать на позиции спецназовцев.

– Бежим отсюда! – приказал Кальтер Вере и, схватив ее за руку, потянул напарницу прочь. – Шевели ногами и не оглядывайся.

Сбежав с вала, они припустили в обратном направлении так быстро, как только могли передвигаться по загроможденной обломками местности. Позади них вновь раздались пронзительный вопль и шипение «поджариваемого живьем кита». Крик сопровождался чередой таких ярких вспышек, что беглецы увидели перед собой свои тени, а в спины им ударила волна жара. Он был крепок, но, к счастью, терпим и, разогрев одежду, все же не поджег ее вместе с кожей.

А за вспышками грянули новые взрывы. Они заставили Куприянова припомнить бомбардировки, свидетелем которых он был в Афганистане пятнадцать лет назад, когда работал там нелегально по заданию Ведомства. В то время НАТО бросал бомбы на позиции талибов в Кабуле, и взрывы порой гремели с такой частотой, что едва раздавался один, как его тут же перекрывал другой, его в свою очередь – третий и так далее.

То же самое творилось сейчас в кратере позади улепетывающих агентов. Живое пламя набрасывалось на спецназовцев и испепеляло их, но за миг до этого их тела разлетались в клочья от взрывов гранат и патронов, которых у каждого бойца имелось в достатке. Отдал майор приказ к отступлению или нет, было уже не расслышать. Но даже если отдал, тот, по всей видимости, безнадежно запоздал. Теперь каждый взрыв означал чью-то гибель, а их прогремело столько, что всего за полминуты от взвода Тульского остались лишь считанные бойцы.

– Не оглядывайся! – повторил Куприянов напарнице, хотя она усвоила его совет с первого раза. Сам он по сторонам все же посматривал и не видел убегающих вместе с ними зевак. Они или бежали позади и отстали, или замешкались и тоже угодили под горячую в прямом смысле слова руку демона.

Финальным аккордом этой драмы стал грозный лавинообразный рокот. Он раздался вслед за чередой взрывов и тут же их заглушил. Теперь земля задрожала по-настоящему, а некоторые не до конца развалившиеся здания в промзоне развалились окончательно. Бьющий из воронки свет резко померк, и рискнувший все-таки оглянуться Кальтер увидел настигающую их с Верой тучу пыли. Такую же густую, в какую они въехали по пути сюда, сразу после того, как «Фантом» упал на Скважинск.

Откуда взялась эта туча? Случилось то, что должно было случиться. Взрывы лишили потрескавшуюся и накренившуюся стену элеватора последней устойчивости, и она рухнула. А вместе с ней рухнули и части соседних стен. Возникший обвал выдался достаточно мощным и, докатившись до воронки, засыпал ее. Возможно, не всю – из-за пыли этого было не разглядеть, – но наполовину, это точно. Под камнями оказались погребены все, кто не успел сбежать оттуда вместе с «химиками». В том числе огненный монстр, чей демонический свет погас в тот же миг, как над ним вырос курган из бетонных глыб.

– У твоих бывших коллег, что интересовались «Фантомом», была версия, которая могла бы объяснить все это? – спросила Верданди, когда они с дядей Костей наконец-то остановились, чтобы перевести дух. На этой территории всюду шли спасательные работы, но сейчас их приостановили. Спасателей не на шутку тревожило разразившееся поблизости сражение с неизвестным врагом. И теперь они пытались понять, что означает наступившее затишье: конец войны или всего лишь передышку между боями.

– Понятия не имею, – ответил Кальтер. – Видимо, нет. Ни о чем подобном у нас тогда не знали. Однако не факт, что это порождение ада связано с «Черным фантомом». К появлению демона могут быть причастны и «серые». Они протасили через разлом в Дубае чудовище аж из палеогена. Что им стоит забросить в Скважинск существо из дальнего уголка Вселенной? А то и вовсе из параллельного мира?

– Полагаешь, что разлом все-таки находится здесь, в главном модуле станции? Металлоискатель действительно обнаружил несколько напоминающих пакаль объектов. Вот только

степень совпадения параметров самого похожего из них всего-навсего пятьдесят четыре процента.

– Ну ладно, хоть это выяснили. А насчет разлома – придется пойти и перепроверить. Вернее, я пойду и перепроверю, а ты будешь меня прикрывать. И без возражений! Работа у тебя тоже будет ответственная: сидеть на валу, смотреть в оба и предупредить меня сразу, как только где-то появится отблеск подозрительного огня или света.

– Мы возвращаемся туда прямо сейчас? Не позже? – изумилась Верданди.

– Да, именно сейчас. Надо сделать это, пока сюда не прибыл новый взвод дуболомов. Полагаю, что обвал не достиг до главного отсека станции, и я смогу туда проникнуть. Ну а если нарвемся на огненную тварь, что ж, удерем от нее во второй раз. Надеюсь, она не поджаривает пятки тем, кто ее не кусает...

Глава 3

Чтобы прибыть в Скважинск напрямик из Дубая, да еще вместе с автомобилем и трейлером, нам не потребовалось нанимать грузовой самолет. Все это мы проделали с помощью имеющихся у нас четырех пакалей: золотого, белого, красного и черного. Собрав в разгромленном ураганом и мародерами Дубае все необходимое нам оружие и оборудование, я, Бледный, Крупье, Гробик, а также новый член нашей команды шейх Демир аль-Наджиб уселись в автомобиль, стукнули друг о друга красный и черный пакали и – вот мы здесь, в негостеприимной России! Встречай, отчизна, сыновей, даром что три года назад ты объявила их на весь мир предателями и дезертирами.

Никто нас, разумеется, не встречал. Никому бы и в голову не взбрело, что полковник-истязатель Родион Грязнов, он же Грязный Ирод, во-первых, воскреснет из мертвых, а, во-вторых, осмелеет настолько, что вернется на родину, где его с недавних пор считали покойником. И все же я не хотел рисковать, работая на враждебной территории без легенды прикрытия. Для чего мы и прихватили с собой из Эмиратов так много балласта. Нам предстояло неизвестно сколько времени торчать неизвестно где в ожидании неизвестно чего, и было бы прекрасно, забрось нас пакали в дикую, безлюдную местность. Однако даже там вооруженной до зубов группе наемников не помешает цивильное прикрытие. Нельзя недооценивать наших вероятных противников, способных при необходимости дотянуться до нас на любом материке, включая Антарктиду.

Дождавшись, когда на большей части территории России наступит ночь, мы осуществили телепортацию... и обнаружили себя на пустынной улице какого-то мирно спящего городка. Летние ночи коротки, но здесь было еще темно, а, значит, нас занесло в европейскую часть России. Судя по наличию мобильной связи и отсутствию военных патрулей, это была не аномальная зона, что нас немного успокоило. Покатавшись по главным улицам и выпустив Крупье с его лэптопом на просторы Интернета, мы выяснили остальные подробности и к рассвету были готовы к действию. Или, вернее, бездействию, учитывая, как мы провели дальнейшую пару месяцев.

Прихваченного нами из Дубая шейха тоже следовало бы отнести к балласту, если бы не его опыт работы с «серыми» и помощь в организации моего побега из колонии строгого режима. Теперь-то я понимал, как ему удалось переправить меня тогда из России в Эмираты. Никакого заговора и подкупов. Я был усыплен и попросту телепортирован из Воркуты прямо на берег Оманского залива, во дворец аль-Наджиба. Как ему это удалось? О, для него это были сущие пустяки, ведь в то время он работал на «серых». И потому обладал таким могуществом, какое мне даже не снилось...

...И какого аль-Наджиб был лишен, когда допустил просчет, не выполнив должным образом задание своих покровителей. После чего стал таким же смертным, как мы, и в качестве наказания зачислен «серыми» в мою команду. Человек, считавший себя одним из них (как выяснилось – ошибочно) и командовавший нами в Дубае, отныне сам перешел под мое командование. Что, впрочем, Демир-паша воспринял со смирением истинного мусульманина и не высказал мне по этому поводу недовольство или протест. Мы, в свою очередь, ценили его прежние заслуги, пускай тогда аль-Наджиб играл сразу на три стороны и порой вставлял нам палки в колеса, и полагали, что он поможет нам в будущем. Хотя бы советом, поскольку вояка из него теперь стал посредственный.

Уволенный со службы помощник «серых» вмиг разучился укладывать голыми руками взвод вооруженных противников, телепортироваться без помощи пакалей, перемещаться во времени и использовать телекинез. Лишь двумя полезными нам качествами обладал сегодня шейх: проницательным умом и памятью, которую милостиво не стерли ему «серые». Конечно,

он знал о них крайне мало, но это – по их меркам. Для нас же, не знавших о них вообще ничего, Демир-паша был просто кладезем ценной информации. Плюс – неплохим аналитиком, способным делать стратегические прогнозы.

Я предпочитал думать, что тоже работаю на «серых», хотя на самом деле все тут было куда сложнее и запутаннее. Масштабная акция, в которой мы участвовали, была не работой, а чем-то вроде игры со своими правилами, призами и арбитрами. Игры, в которой, однако, игроки умирали по-настоящему. И не только игроки, но и совершенно непричастные к ней люди.

В наши игровые арены превращались целые города, а нашим неотъемлемым испытанием становились разного рода катаклизмы, как правило, спонтанные и необъяснимые. Которые не обходились без невинных человеческих жертв, порой весьма многочисленных. Убедившись во всемогуществе «серых», я затруднялся сказать, что здесь являлось причиной, а что следствием. То есть либо они устраивали игру в районе катастрофы, либо, напротив, устраивали катастрофу ради того, чтобы затеять в ее районе свою игру, поскольку второе тоже было им явно по плечу. Не знал этого и аль-Наджиб. Но, как бы то ни было, он варился в этой кухне дольше нас. И потому его догадки были в любом случае ближе к истине.

Для такого технаря, как Крупье, который мог вторгнуться со своего ноутбука даже в информационную сеть Пентагона, не составило труда сварганить нам фальшивые документы и внести сведения о нас во все нужные базы. Таким же легальным стал наш «Додж», который мы отвоевали в Дубае у банды мародеров. Найдя на местной автосвалке старые номера, мы перебили на них региональный код, после чего Крупье покопался в базе данных ГИБДД и загрузил туда «досье» на наши пикап и трейлер.

Разумеется, при дотошной проверке эта конспиративная легенда быстро развалилась бы. Но мы не стали давать местным властям повод для подозрений. И сами наведались в гости к кому надо, не дожидаясь, когда по Скважинску поползут о нас ненужные слухи.

Наведались, само собой, не с пустыми руками – так, как и полагается вести себя гостям, желающим произвести на хозяев благоприятное впечатление. Кроме персональных презентов нужным людям, мы не отказались внести скромные пожертвования на строительство храма и еще нескольких позарез необходимых городу заведений. Таких, которые в провинции могут десятилетиями находиться на стадии перманентной закладки фундамента, а горожанам остается лишь догадываться, куда на самом деле уходят отчисляемые ими на благотворительность деньги.

Шейх вызвался взять на себя все расходы на нашу временную прописку, но мы отговорили его от этого благородного жеста. Переводя в Россию деньги со своих счетов, он мог засветиться, а заодно засветить и нас. Впрочем, на тот момент у нас еще хватало карманной наличности, и нам не пришлось продавать наименее ценный из всех пакалей – золотой.

Мы продали его позже – когда нам потребовался дескан. Кому мы могли сбавить пакаль и сколько бы за него выручили, сегодня это было узнать легко. Не прошло и года с начала Сезона Катастроф, как по всему миру разыгралась пакальная лихорадка. События развивались так, как предсказывал аль-Наджиб, когда он еще считал себя членом элитарной «серой» касты. Аномальные разломы возникали повсюду, как прыщи на лице подростка. И к ним с каждым разом устремлялось все больше и больше искателей артефактов. От профессионалов – хорошо оснащенных и вооруженных квестеров российского Центра Изучения Катастроф (ЦИК) – и полупрофессионалов вроде нас до любителей с дедушкиными берданками и дешевыми металлоискателями. Последним в этой игре, как правило, ничего не светило. Оперативность здесь решала практически все. Тот, кто прибывал к разлому на вертолете, имел во сто крат больше шансов заграбастать все призы. Но в Сети хватало историй о том, как простакам порой улыбалась фортуна. Вот они и рвались сюда, бывало, даже когда становилось очевидно, что «мотыжить поле» здесь уже без толку – весь урожай с него собран.

В Дубае мы тоже пользовались металлоискателем. Не дешевым, а самым современным, но куда ему было до дескана – прибора, разработанного в ЦИКе специально для обнаружения пакалей. Радиус его действия был вдвое больше, а защищенность от помех – выше, и на обычный хлам он уже не реагировал. Разумеется, мы приобрели дескан неофициально, на подпольном интернет-аукционе. Но нас не обманули. Крупье пробил по Сети личность продавца, а также сферу его контактов и выяснил: да, он действительно мог купить дескан у квестеров ЦИКа или же снять его с трупа кого-то из них. Мы тоже не надули этого человека, отдав ему взамен золотой пакаль – справедливую оплату за такой товар. Ради чего Гробику и Крупье пришлось отлучиться на три дня из Скважинска, чтобы съездить в Подмоскovie и проверить эту сделку.

Короче говоря, если бы не стычка с местными реликтовыми особями – недобитыми (а ныне – благополучно добытыми) рэкетирами, – в целом наш двухмесячный отпуск прошел спокойно. Но едва в Скважинске пропала всякая радиосвязь, а затем на него грохнулась космическая хрень, и в городе начался бедлам, мы тут же сбросили личины зоологов и вошли в новые роли – оперативников по контролю за перевозками опасных грузов. И не успели еще трупы Бесяры и его подельников остыть, а мы, оставив трейлер на берегу, уже мчались в Скважинск, сгорая от нетерпения опробовать в работе наш дескан. И заодно – продолжить игру с «серыми», только теперь на другой арене...

– Насчет зеркального пакаля, который вы, Демир-паша, якобы не сумели обнаружить в Дубае... – Я обернулся к расположившемуся на заднем сиденье шейху. Ведомый Бледным «Додж» в этот момент приближался к Скважинску и вскоре должен был пересечь границу города. – Какова, по вашему, вероятность того, что не разыгранный в первом туре самый ценный приз будет разыгран во втором?

– Так мне сказал Мастер Игры, прежде чем лишил меня всех полномочий и прикомандировал к вам, – ответил аль-Наджиб и помрачнел. Было заметно, что воспоминания о пережитом фиаско все еще доставляют ему боль. – Нет сомнений в том, что мы с вами перешли на следующий уровень игры. Поэтому я считаю, что шанс обнаружить в Скважинске именно зеркальный пакаль достаточно высок.

– При всем уважении, Демир-паша, но вряд ли можно счесть вашего Мастера настоящим человеком... или, вернее, гуманоидом слова, – усомнился я. – Не знаю, как вы, но лично я считаю, что он поступил с вами довольно вероломно. Сначала он убедил вас играть по правилам, которых вы честно придерживались. Но потом Мастер, не поставив вас в известность, сам же взял и превысил лимит количества пакалей, подбросив в Дубай лишний, пятый артефакт. Как такой поступок называется в порядочном обществе?

– Отчасти вы, безусловно, правы, – не стал отпираться шейх. – И если зеркального пакаля в Скважинске нет, получится, что Мастер Игры всего-навсего дал нам дополнительный стимул к более активным действиям. И он снова будет по-своему прав: ложные ориентиры в игре правилами не запрещены. Но все-таки, мой друг, мы должны исходить из того, что зеркальный пакаль здесь. Потому что, если это окажется правдой, а мы в нее не поверим, нас ждут крупные неприятности.

– Ладно, учтем. – Я пожал плечами. – В принципе, какая нам разница, раз все пакали – и дешевые, и дорогие – ищутся одним и тем же способом. Вопрос лишь в том, где конкретно их искать. Логика подсказывает мне, что разлом, который вы называете «следом Иблиса», находился на небесном объекте. А он, как все вы видели, развалился перед столкновением с Землей на несколько частей. Есть идеи, как нам определить, которая из этих частей стала центром аномальной зоны?

– Вы упустили из виду одну существенную деталь, полковник, – заметил аль-Наджиб. – Радиосвязь пропала, когда объект находился еще довольно высоко и далеко от Скважинска. В Дубайской и прочих зонах, где мне довелось побывать, связь отсутствовала в радиусе сорока-

пятидесяти километров от разлома, не дальше. Если учесть, что здесь возник обычный, а не уникальный «след Иблиса», значит, мобильные телефоны и радиоприемники должны были умолкнуть минуты за три-четыре до падения объекта. Это учитывая, что он падал примерно со скоростью реактивного пассажирского самолета. В действительности он падал гораздо быстрее, и это время сократилось бы вовсе до минуты-двух...

– ...Однако связь пропала минут за десять-двенадцать до катастрофы, – припомнил я. – Да, любопытное наблюдение. Значит, вы уверены, что разлом образовался не в небе, а в городе, когда объект находился на подлете к нему?

– Не уверен, но, согласитесь, эта версия выглядит более правдоподобной.

– Допустим, что так и есть. Но каковы вообще шансы, что в одном маленьком городе всего за четверть часа могут разразиться две не связанные друг с другом, крупные и нетипичные катастрофы?

– Шансы крайне невелики, вы правы. И потому я бы на вашем месте не стал утверждать, что между падением космического объекта и появлением «следа Иблиса» нет связи.

– И вы ее уже видите, Демир-паша?

– Пока нет. Но кое-какие мысли на сей счет у меня имеются. Только сначала неплохо бы выяснить, что за штука упала на город, поскольку я могу ошибаться.

– Выясним, – заверил я его. – Разве не за этим мы туда едем?..

К этой минуте пыль над Скважинском немного развеялась, и можно было определить, куда приземлились обломки небесного тела. Над теми местами возвышались столпы дыма, хорошо видимые в отблесках пожаров, которые их породили. С небес город обшаривали лучи вертолетных прожекторов, а улицы озарялись сверканием мигалок автомобилей экстренных служб. Не прошло и получаса, как почти уснувший мирный городок превратился в натуральный театр военных действий, которые в этих краях не видали со времен Гражданской войны.

Впрочем, за войной дело не стало. Мы как раз решали, какой дорогой быстрее всего проехать к ближайшему дымовому столпу, когда восточнее того места засверкали яркие всполохи. А затем оттуда ударила такая яростная канонада, что Бледный от неожиданности даже врезал по тормозам и остановил «Додж» у обочины.

– Пелядь и простилома! – выругался Крупье, выпрыгивая из машины и глядя на отблески рукотворных зарниц. – Вы только гляньте, как там развоевались! У них что, вдобавок ко всему революция началась?

Бой шел рядом с элеватором, чья мрачная громада возвышалась примерно в километре отсюда. Вспышки выстрелов и огня – кажется, помимо обычного оружия там использовались еще и огнеметы – сверкали на фоне дыма, но это был не тот пожар, к которому мы ехали, а соседний с ним. Сначала мы подумывали заглянуть и туда, но, когда к пальбе подключились гранатометы, стало очевидно, что в тот район мы в ближайшее время точно не сунемся. С кем бы ни сцепились там военные, пускай они сначала закончат перестрелку, а уже потом мы пойдем выяснять, кто из них победил.

– Знакомая музыка, правда, босс? – поинтересовался у меня Бледный. – А вы говорили, дескать, тут вам не Дубай, тут тихое провинциальное болото и все такое.

– Не Дубай, – подтвердил я, не сводя взгляда со вспышек и слушая неутраченную канонаду. – Но уже что-то близкое. Осталось для полного счастья появиться какой-нибудь чертовщине и Кальтеру, чтобы испортить нам окончание отпуска.

– Появятся, нутром чую, – «обнадежил» меня майор. – Не одна, так другой. Сами же слышали: это второй уровень игры. А он по определению должен быть дерьмовее первого...

Внезапно разыгравшееся сражение столь же внезапно и завершилось. Возможно, оно продлилось бы дольше, но обвалившаяся стена элеватора погребла под собой либо все поле боя, либо одну из воюющих сторон, после чего другая обрадовалась и прекратила огонь. Кто, интересно, мог оказать военным такое ожесточенное сопротивление? Неужто покойный Бесяра

был прав, и Скважинск действительно подвергся атаке инопланетян? Чуть какая-то... И все же, памятуя дубайского монстра, вряд ли я мог быть уверен в том, что «серые» не выпустят на эту игровую арену подобный ходячий кошмар, но с более огромной пастью и острыми зубами.

Не только у элеватора – во всем городе то здесь, то там слышались автоматные очереди. Но они были непродолжительными и не переходили в канонаду с гранатными разрывами. Хотя и такая пальба не предвещала ничего хорошего. Для повального мародерства – неотъемлемого явления в зонах любых катаклизмов – было еще рановато. В данный момент мысли потенциальных мародеров заняты другим. Как все скважинцы, они тоже напуганы, растерянны и пока не косятся на чужое добро с намерением прибрать его к рукам. Следовательно, пули военных летят в кого-то другого.

И мы уже могли догадаться, в кого именно.

Последнее подтверждение своей догадки мы получили, когда, попетляв по окраинным улицам, приблизились к нашей первой цели.

По моим расчетам, этот фрагмент космического тела должен был упасть за пределами колонии – той самой «Скважины», о которой я уже упоминал. Мы видели, что дым поднимается вроде бы не с ее территории. И рассчитывали, что нам не составит труда добраться до воронки и всего, что в ней может находиться. Тем более что почти все военные в том краю будут брошены на усиление охраны «Скважины», поэтому оцепление самого объекта окажется немногочисленным.

Однако на деле все сложилось не так удачно. И для нас, и для Скважинска.

Мы ошиблись: наш фрагмент «НЛО» угодил все-таки на территорию колонии. Он не дотянул до основных ее построек, а грохнулся аккуратно на охранный периметр. После чего пробил в нем широкую брешь и развалил служебное здание с внутренней его стороны. Весть об этом быстро докатилась до заключенных и послужила детонатором для разразившегося бунта. Подавить его в зародыше, к несчастью, не удалось, и «Скважину» захлестнули массовые беспорядки. Вырвавшиеся из камер узники толпами устремились на свободу под покровом дыма и пыли. И открывшая по ним огонь охрана была им теперь не страшна.

Насколько бы оперативно ни подоспело сюда армейское подкрепление, к моменту, когда мы туда прибыли, многие заключенные уже оказались на воле. Их менее удачливые собратья – те, что не успели дать деру и еще не напоролись на пули, – не оставляли попыток проскочить через периметр. Колония была оцеплена, но в ней самой творилось черт знает что. Это стало понятно еще до того, как мы поболтали с офицером из армейского оцепления. Судя по доносящимся из «Скважины» шумам и выстрелам, там разразились сразу несколько стычек. И раз очаги сопротивления до сих пор не были подавлены, следовательно, эки успели разжиться оружием и взять заложников.

Наш «Додж» был слишком подозрительной машиной, чтобы пытаться проехать на нем через линию оцепления. Поэтому мы оставили его неподалеку, не забыв, разумеется, припрятать в салоне взрывоопасный сюрприз для тех, кто вздумает посягнуть на нашу собственность. После чего, разобрав оружие, двинулись к зияющей в периметре брешу.

Шейх в камуфлированной форме прапорщика Дорожных войск России смотрелся довольно забавно. Намного забавнее, чем в обтягивающем комбезе «серого», какой аль-Наджиб носил в Дубае. По-русски он не говорил, и потому сейчас от него требовалось помалкивать, чтобы не выдать нас ненароком военным или полиции. Прикрепляя к своим курткам знаки различия, мы сохранили за собой наши привычные ведомственные звания, изменив только фамилии. Насчет иностранного оружия тоже не беспокоились. Согласно фиктивным документам, мы являлись бойцами специального подразделения и могли иметь в арсенале любые пушки, не только отечественные.

– Полковник Храпов, специальная группа по контролю за перемещением особо опасных грузов Дорожных войск России, – представился я стоящему на блокпосту лейтенанту, который

при виде моих полковничьих погон сразу же вытянулся во фрунт. – Где я могу видеть вашего командира?

Лейтенант указал в сторону соседнего блокпоста.

Командир окружившей «Скважину» роты майор Пальченко приветствовал нас не слишком радостно. Впрочем, его раздражение быстро исчезло, поскольку мы ничего от него не требовали, а, наоборот, предложили ему помощь.

– Я и мои люди инспектировали одну из наших местных транспортных баз и по экстренному приказу командующего прибыли оказать вам посильную помощь, – сообщил я. – Как видим, у вас тут имеет место небольшой кризис. Что ж, мы могли бы подавить кое-какие очаги сопротивления. Если, конечно, вы не против.

Кто бы сомневался, что Пальченко одобрит нашу благую инициативу. За затягивание этой операции и растущие потери командование не погладит его по голове. И потому он, наскоро обрисовав нам ситуацию, велел своим бойцам пропустить нас внутрь.

Благодаря неразберихе и умелому блефу мы добились своего без проблем и проволочек. Но, спустившись в кратер, вовсе не собирались идти дальше. Зачем нам это надо? Здесь шла не наша война, и мы давно не подчинялись присяге, которую давали когда-то нашей неблагодарной родине. Все, что нам было нужно в «Скважине», это узнать, что за дрянь грохнулась с небес на город, и позволить шейху осмотреть ее поближе.

Но вот незадача – кроме обломков кирпичной стены и обрывков колючей проволоки больше осматривать в кратере было нечего! Хреновина, что его пробила, как будто испарилась. Хотя, судя по размерам кратера, она была величиной с грузовик и весила не меньше.

– Что за чудеса! – подивился Бледный, озираясь по сторонам. – Уж не МОССАД ли здесь поработал? Кто еще кроме евреев смог бы за такой короткий срок стащить из-под носа у русских летающую тарелку? Разве что сами русские, которым выпить захотелось... Куда теперь, босс? Поедем проверять пункты приема цветного металла? Или пойдем пристрелим еще дюжину уголовников вдобавок к тем, которые наехали сегодня на телеканал «Энимал Плэнет»?

– Полковник! – окликнул меня Гробик. – Эта штука, какую мы ищем... Вон там, гляньте, не она ли?

И капитан указал на трехэтажное кирпичное здание, стоящее на территории колонии в полусотне шагах от «запретки». По словам Пальченко, там была санитарная часть, и оттуда также доносились выстрелы. И немудрено, ведь «больничка» являлась единственным местом, где не сумевший удрать из колонии бунтующий зэк мог оторваться по полной: найти наркотики и спирт. А если совсем повезет – то и женщин.

В темноте, озаряемой лишь отблесками пожаров и прожекторами вертолетов, могло показаться, что на больницу обрушилась водочка, чей резервуар проломил стену здания и застрял на уровне второго этажа. Однако в действительности здешняя водонапорная башня находилась севернее, и с ней все было в порядке. Конструкция, которую я ошибочно за нее принял, тоже являла собой большой измятый цилиндр черного цвета. Но при внимательном рассмотрении выяснилось, что она не имеет никакого отношения к водопроводу. И что, судя по всему, это и есть фрагмент космического объекта, ради которого мы сюда пробрались.

Ударившись о землю, он не зарылся в нее. Угодив в каменистый слой, черная «цистерна» рикошетом полетела дальше. И упала бы где-то в центре «Скважины», если бы не здание у нее на пути. Оно остановило небесного гостя, а вот остановить заключенных, которых он спровоцировал на бунт и которые теперь бесчинствовали в «больничке», оказалось некому. В ее выбитых окнах металась тень, оттуда же раздавались дикие вопли и прочие отзвуки царящего там разгрома и насилия. Пальченко сказал, что его бойцы отвоевали первый этаж, но пробиться дальше не сумели – им помешали стихийно возведенные баррикады. У заключенных имелось несколько автоматов, с помощью которых они держали под контролем лестницы и стреляли

из окон, а другими путями добраться до них не удавалось. Пальченко уже вызвал на подмогу спецназ, чтобы тот высадился с вертолета на крышу и атаковал бунтарей сверху. Но майору велели подождать, поскольку в данный момент все десантные группы задействованы на более горячих фронтах. Где именно, ему не уточнили. Но, судя по доносившейся недавно от элеватора канонаде, в Скважинске у спецназа и впрямь было этой ночью много работы.

Рассредоточившись на склоне кратера, вдоль его края, мы достали бинокли и изучили торчащее из больничной стены многотонное черное «вкрапление».

– Что бы это ни было, к инопланетянам оно не имеет отношения, – заключил Крупье. – Совершенно очевидно, что это творение человеческих рук. Я бы сказал, что оно – часть орбитальной станции, хотя на нем почему-то нет ни одного опознавательного знака.

– Мы их просто не видим, – предположил я. – Гляди, как сильно она обгорела в падении.

– Я бы так не сказал, полковник. На обломке явно не копать, – возразил аль-Наджиб после того, как огляделся и удостоверился, что никто не подслушает его английскую речь. – И не краска. Думаю, это специальное покрытие вроде тех, что используются в стелс-технологиях.

– Вы в этом уверены? – спросил я.

– Процентом на девяносто, – на мгновение задумавшись, прикинул «прапорщик».

– И вам это о чем-нибудь говорит?

На сей раз, прежде чем ответить, он молчал гораздо дольше.

– Для меня это означает лишь то, что Скважинск обречен, – заговорил шейх посуровевшим тоном спустя четверть минуты. – Этому городу конец, Аллах свидетель. Не знаю когда: через три дня, через день, через час, через минуту... Знаю, что это наступит скоро. И если мы не найдем способ отсюда выбраться, всем нам придется очень туго.

– К чему именно нам готовиться? – Я переглянулся с командой, которая тоже замерла в молчании, прислушиваясь к словам арабского пророка.

– К адскому пламени, которое выжжет здесь все и превратит Скважинск в голую пустыню, покрытую толстым слоем пепла.

– Речь идет о ядерной катастрофе? На борту станции есть реактор?

– Если и есть, то вряд ли чересчур мощный. Нет, друзья мои, я имел в виду нечто совсем другое. В двух словах это не объяснишь, а здесь не самое удачное место, чтобы обсуждать подобное. Может быть, нам лучше вернуться в машину и уже там...

– Пелядь и простипома! – вдруг встрепенулся Крупье и выхватил из кармана разгрузочного жилета дескан. – Погодите, полковник! У нас есть сигнал!

– Откуда он идет? – Я и остальные окружили капитана и тоже уставились на дисплей сканера, забыв на время о нависшей над нами и Скважинском опасности. На дескане и впрямь появилась отметка, свидетельствующая о близости пакаля. И находился он рядом с фрагментом космической станции – в здании больницы.

– А вот и «серые», мать их за ногу!.. Простите, Демир-паша, – выругался и тут же поправился Бледный. – Хочу сказать, что, если пакали начинают выныривать перед нами буквально из воздуха, значит, без «серых» здесь не обошлось.

– Похоже, опять разыгрывается дубайский вариант, – заметил на это аль-Наджиб. – Обычно пакали лежат поблизости от разлома. Но если Мастер Игры поручает ассистенту собрать артефакты и распределить их по всей игровой арене, значит, в игре задействована не одна, а несколько конкурирующих команд... Если, конечно, мы не угадали с первой попытки местонахождение Скважинского разлома. Правда, на территории в пять-семь тысяч квадратных километров сделать такое крайне маловероятно.

– Пожалуй, мы с куда большей вероятностью сначала столкнемся с Кальтером, чем найдем «след Иблиса», – заключил я. – «Серые» сделали вброс пакаля, игра началась, и Безликий точно прячется сейчас где-то поблизости. Но у нас есть перед ним два преимущества. Во-первых, он думает, что все мы погибли, и не ждет встречи с нами. А во-вторых – наши старые

пакали! С их помощью мы захватим первый приз быстро и с наименьшими затратами... Гробик! Сможешь забросить пакаль-маяк в окно третьего этажа?

– Запросто, – отозвался громила. – В какое именно?

– Лучше в коридорное, на торце здания, – ответил я. – И швыряй маяк как можно дальше. А то не ровен час получится, как в Дубае, и кто-нибудь из нас останется за окном, не допрыгнув до цели...

Раньше такой работой у нас занимался Сквозняк. Но теперь он был мертв и покоился в дубайских песках, потому что ублюдок Кальтер всадил ему в голову пулю. Гробик в плане шустрости до Сквозняка было далеко, но это не умаляло прочих его достоинств. Там, где наш павший товарищ действовал с наскока, посредством быстроты и ловкости, Гробик предпочитал аккуратность, точность и осмотрительность. И когда мы не спешили – а сейчас у нас в запасе еще имелось время, – я обычно выбирал второй способ решения наших насущных проблем.

Получив от меня черный пакаль, капитан просчитал самый незаметный маршрут, каким он мог подобраться к больнице, и отправился делать дело. Укрытиями ему служили обломки периметра – достаточно крупные, чтобы за ними мог схорониться даже такой громила. Бунтари не разбирались в военном деле и не особо вдавались в тактику обороны больницы. Сдерживая баррикадами солдат на первом этаже, они не выставили постоянных наблюдателей у окон второго и третьего этажей. И правда, кому охота стоять на шухере в то время, как прочие гуляют и веселятся на всю катушку? Тем более что все окна перекрыты решетками, сломать которые быстро и беззвучно не выйдет. Равно как пожарные выходы и чердачные люки, что были сделаны из железа и накрепко запирались.

Единственное, что предприняли заключенные, это вышибли все окна, чтобы слышать долетающие снаружи звуки и не проворонить начало штурма. Чем, сами того не желая, упростили задачу Гробик – избавили его от необходимости разбивать стекло при забрасывании пакаля внутрь. Решетка тут не была преградой – плоский и маленький пакаль пролетел сквозь ее прутья и упал где-то в больничном коридоре. Я нарочно выбрал для этого окно с торцевой стороны здания, поскольку, отсидев три года в подобной колонии, знал типичную планировку тюремных больниц. И имел представление, где в данный момент точно не будут находиться захватчики.

Больничные палаты... Те же камеры, только чуть более комфортные и стерильные. Торчать в них сорвавшимся с цепи экам нет никакого резона. Они захотят гулять на широкую ногу: на мягких диванах в отделении для врачебного персонала и в процедурных с их запасами спирта и медикаментов.

Мою догадку подтверждало отсутствие шума и суеты за окнами палат. В них мы рискуем нарваться разве что на лежачего больного, который не смог присоединиться к резвящимся собратям. И если он не захочет получить свинцовую «анестезию», то будет держать рот на замке. А для полной гарантии пусть лучше притворится коматозником, чтобы не искушать нас устранить нежелательного свидетеля.

Установив пакаль-маяк, Гробик вернулся обратно, поскольку всем нам ползти к нему было непрактично. Да и бессмысленно. Белый и красный пакали могли телепортировать нас к черному хоть с другого края Скважинска – главное, чтобы при этом мы находились рядом. А чтобы после перемещения нас не разбросало по этажу, нам следовало держаться друг за друга. Таким образом мы все окажемся в одном помещении и сможем действовать более слаженно.

Проверив напоследок оружие, мы выстроились клином – впереди Гробик с дробовиком на изготовку, позади него я и Бледный, а за нашими спинами – шейх и Крупье. Затем последние четверо положили руки вперёдистоящим товарищам на плечи. И только тогда мы с Бледным, взяв в свободные руки по пакалю, «чокнулись» ими.

Пакали ударились плоскими сторонами, после чего мир вокруг нас тут же расплылся в пеструю мешанину, будто краски на мольберте. А когда спустя несколько секунд эти аляпова-

тые пятна вновь приняли облик привычной реальности, мы стояли уже не в воронке, а в больничной палате. Крайней в коридоре, если судить по расположению окон.

Беспорядок и расправленные койки указывали на то, что еще недавно здесь кто-то лежал, но теперь он явно примкнул к бунтарям. Не увидев перед собой противника, Гробик со своей «тяжелой артиллерией» отступил назад, пропуская в авангард нас с Бледным. Наши автоматы были оснащены глушителями, и теперь, когда мы проникли в здание без шума, нам требовалось продолжать вести себя тихо столько, сколько получится.

Не размыкая пакали, я надел поверх них резиновый манжет и сунул их в карман «разгрузки». Если сейчас рассоединить артефакты, мы вернемся на исходную позицию – в кратер. Как знать, возможно, нам еще придется спешно отсюда эвакуироваться. И лучшего способа, чем опять воспользоваться пакалями, для этого не существовало.

Штурм и зачистка...

На службе Ведомства нам редко приходилось ими заниматься. Эта работа – для твердолобого спецназа, а моя группа специализировалась на более сложных и скрытных операциях. Но как рыбак должен уметь хорошо плавать, так и мы были обязаны обладать кое-какими навыками смежных профессий. Потому что в критической ситуации у нас могло не оказаться под рукой этого самого спецназа. И тогда наше спасение ложилось целиком и полностью на наши же плечи.

В общем, поехали!

Палаты располагались рядами по обе стороны коридора. Выйдя в него, я на пару с Бледным и Гробик устремились к двум дверям по правую руку от нас. Крупье и аль-Наджибу досталась палата напротив. Им и выпал жребий сделать в этой схватке первые выстрелы. Мы открыли одновременно три двери, но только за одними оказался враг. Ну, то есть как – враг... Вряд ли можно было считать врагом сидящего на полу и пускающего слюни обдолбанного наркомана; он явно был докой в лекарственных препаратах, раз успел достичь глубокой нирваны за столь короткий срок. Кажется, он нас даже не заметил. И тем не менее мы не могли оставить позади потенциальную угрозу. Пистолет-пулемет Крупье прострекотал короткую очередь, и наркотический сон нашей жертвы сразу превратился в вечный.

Впрочем, уже скоро я и Бледный сравняли счет с нашими замыкающими, а потом и обогнали их.

Сначала со стороны лестницы, к которой мы постепенно продвигались, раздались шаги. Они были шумными, и мы расслышали их задолго до того, как топающий противник показался нам на глаза. Вдобавок он что-то громко говорил, хотя, по всем признакам, шел один: не то пел на радостях, наслаждаясь вседозволенностью, не то тоже был под кайфом и просто нес околесицу.

Счастье эка было сильно омрачено, когда он ступил в коридор и увидел сразу два нацеленных на него автомата. Не успел он и рта раскрыть, чтобы крикнуть собратям об опасности, как его прошили сразу полдюжины пуль. Они отбросили его к стене, и он, прежде чем упасть, сбил с нее фанерный стенд с плакатами о профилактике туберкулеза. Который, впрочем, этому сидельцу уже не грозил.

Стенд и мертвое тело упали вовсе не беззвучно. Но здесь и без того было шумно. Вдобавок снизу то и дело грохотали выстрелы – это засевшие за баррикадами ублюдки постреливали в солдат, мешая им перейти в новое наступление.

Куда спешил приконченный нами бунтарь, выяснилось, когда мы, проверив последние палаты – в них также было пусто – и подобрав с пола пакаль-маяк, дошли до лестницы. Оставив Гробика наблюдать за ней, я и остальные направились к ординаторской и процедурным. Именно оттуда раздавались громкие удары и яростная брань. Причем брань не только мужская, но и женская.

Да, нам не послышалось: женщина не визжала, не кричала от боли, не умоляла пощадить ее и не звала на помощь. Она бранилась так, что, если бы ее голос не звучал приглушенно – похоже, он доносился из-за двери, – эта сквернословка переорала бы десяток уголовников.

Сколько их буянило в ординаторской, считать было некогда. Любой из них мог выглянуть в коридор, увидеть нас и лишит нашу атаку внезапности. Я знаками приказал команде действовать по стандартному в таких случаях сценарию зачистки, а затем поднял вверх кулак с двумя разогнутыми пальцами. Потом согнул один, за ним – второй и, завершив короткий предстартовый отсчет, дал отмашку к действию...

Чтобы расстрелять противников, находящихся в комнате, необязательно врываться в нее. Особенно, если велик риск, что у них может быть оружие. Я встал у одного косяка, Бледный, присев на колено, занял позицию у другого. После чего, просунув стволы крест-накрест в дверной проем, мы с майором получили возможность разом усеять пулями всю комнату. Шейх и Крупье остались на прикрытии, следя, чтобы нас не атаковали из процедурных; их мы, дабы преждевременно себя не рассекретить, еще не успели осмотреть.

Один из заключенных, пытавшихся выломать дверь в подсобку ординаторской, заметил мельтешение у входа и заорал, но было поздно. В ограниченном, безвыходном пространстве шансов укрыться от автоматных очередей у семерых противников не было. Они это тоже быстро поняли. И бросились на нас в отчаянной попытке спастись, размахивая тем оружием, какое было у них в руках.

Трех из них мы прикончили еще до того, как сидельцы сорвались с места. Остальные успели оказать сопротивление. Рядом со мной врезалась в косяк брошенная в нас стальная вешалка. А Бледный точно получил бы по голове креслом, если бы не уложил метателя мебели раньше, чем тот швырнул свой снаряд, поэтому он до майора попросту не долетел. Наиболее опасным оказался уголовник, размахивающий увесистой трубой. На пороге неминуемой гибели он впал в такой раж, что, даже словив грудью несколько пуль, продолжал с воплем бежать к двери. И добежал! Правда, огреть кого-либо трубой у него уже не вышло, но он все-таки смог, разогнавшись, вытолкнуть меня из дверного проема.

Не успев отпрыгнуть, я потерял равновесие и растянулся поперек коридора. Упавший следом за мной мертвец придавил мне ноги, и не уложи Бледный оставшихся бунтарей, они бы точно до меня дотянулись. После чего майор собрался помочь мне подняться, но его внезапно отвлекли более важные дела – из процедурных на шум выскочили новые враги. И не только из процедурных. Одновременно с этим у лестницы загромыхал «SRM». Со второго на третий этаж к врагам спешило подкрепление, и мы могли лишь догадываться, насколько серьезное.

Не проморгав атаку с тыла, Крупье пристрелил первого из нападавших прямо в дверях процедурной, и это задержало противника, бежавшего следом. В руках у него был аргумент посерьезнее – «калашников». Заметив это, Крупье и шейх живо отскочили в процедурную напротив, чтобы не напороться на вражескую очередь. Она загрохотала, едва мертвый приятель автоматчика рухнул ему под ноги. Стреляя по двери, куда скрылись его цели, он выбежал в коридор... и в ту же секунду лишился головы, которую снес ему Бледный.

Проверяя, не остались ли в том помещении еще враги, майор заглянул туда, но там больше никого не было. Зато прямо надо мной в этот миг навис обнаженный по пояс, расписанный татуировками и изрыгающий проклятья мордоворот. У него в руках была стойка из-под капельницы, которой он явно решил разmozжить мне череп. И разmozжил бы, не направь я в его сторону ствол автомата и не спусти курок. Выпущенная почти в упор очередь продырявила противнику оба бедра, и он, продолжая вопить, упал на пол рядом со мной.

Я выпустил из автомата последние патроны, но мой раненый враг тоже не мог драться, лежа, длинной железной палкой. Однако у него было припасено и другое оружие – ампутационный нож, который он выхватил из-за голенища кирзового сапога. Преодолевая боль, мордо-

ворот решительно пополз ко мне, собираясь, очевидно, дотянуться ножом до моего горла. И то, что я перестал стрелять, здорово его подбодряло.

Впрочем, не он один был такой запасливый. Менять автоматный магазин мне было некогда. Да и незачем. Чтобы дотянуться до набедренной кобуры и достать оттуда «зиг-зауэр», мне потребовалось гораздо меньше времени.

Глаза готового пустить в ход нож врага расширились, и в них появилась прямо-таки детская обида, когда он заглянул в дуло нацеленного на него пистолета. Это выражение так и застыло на лице ублюдка после того, как он, заполучив во лбу дырку, откинулся на спину и устремил немигающий взор в потолок. А я выдернул наконец ноги из-под придавившего их трупа и, не опуская пистолета, огляделся. Если сейчас на меня накинется еще один бунтарь, он успеет сделать лишь шаг. А потом уляжется рядом со своими корешами с такими же аккуратными дырочками в теле...

Уголовник с ампутационным ножом оказался последним нашим противником на третьем этаже. Неизвестно, сколько их обитало на втором, но пока Гробик их вполне успешно сдерживал. Несколько зарядов картечи и одна брошенная вниз граната охладили пыл рвущихся сюда эков. Они вовсе не горели желанием лезть грудью на пули, когда их еще не окончательно прижали к стенке. Тем более что мы, сделав полдела, взяли тайм-аут и тоже не шли пока на штурм последнего бунтарского оплота. Прежде чем снова рисковать, следовало выяснить, на каком этаже валяется пакаль. И если на этом, то дальше нам прорываться попросту не имело смысла.

Солдаты на первом этаже понятия не имели, что за бой шел наверху. И продолжали оставаться на своих позициях, поскольку из-за баррикад по-прежнему стреляли. А мы, удостоверившись, что все противники мертвы, направились к месту, на которое указывала отметка на доскане.

Если пакаль все-таки здесь, он лежит в подсобном помещении ординаторской. Там, куда рвались бунтари и откуда раздавались женские крики. Дверь в подсобку оказалась на удивление крепкой и запиралась изнутри довольно основательно. Видимо, так было устроено специально, чтобы в случае бунта заключенных медсестры и врачи могли воспользоваться подсобкой в качестве убежища. Сегодня весь персонал санитарной части успел, судя по всему, эвакуироваться, и лишь одна нерасторопная дамочка по какой-то причине не смогла этого сделать. Хотя если вспомнить, как многоэтажно и отчаянно она сквернословила, с трудом верилось, что это медсестра.

Но если не она, тогда кто?

Глянув в заделанное армированным стеклом, растрескавшееся от ударов дверное окошечко, мы никого не обнаружили. В двери и стене имелись пулевые отверстия, которые, возможно, объясняли, почему молчит пленница. Зэки не причинили ей вреда. Зато мы навредили тут всем без исключения – и правым и виноватым.

Издержки войны...

– Эй, сестричка! – Бледный требовательно постучал в дверь. – Если жива, открывай! Все закончилось! Преступники уничтожены, ты свободна!

– Слава богу! Ну наконец-то! А я уж думала, никто за мной не придет! – раздался из-за двери взволнованный голос, после чего нам на глаза показалась сама потерпевшая. Она действительно лежала на полу. Но была цела и невредима, поскольку, когда раздалась стрельба, без подсказок догадалась, как ей уберечься от шальных пуль.

Сообразительная девка, что ни говори.

Дверь отворилась, и нашим взорам предстала невысокая миловидная брюнетка лет тридцати, одетая в зеленый хирургический костюм. Шокированной до полусмерти она не выглядела. Сестричка оказалась весьма храброй, в чем мы уже убедились по ее грамотному поведению под огнем.

– Спасибо вам огромное, господа военные! – поблагодарила она нас и даже попыталась улыбнуться. – Ну, раз все в порядке, тогда я, пожалуй, пойду, хорошо?

И продолжая испуганно улыбаться, стала бочком пробираться между нами и валяющимися на полу трупами к выходу.

– погоди, красавица, не торопись, – придержал ее за плечо Бледный. – Там, на нижних этажах, еще не всех ублюдков перестреляли. Лучше посиди здесь, пока наши всю больницу не зачистят.

– Да... я поняла, спасибо, – закивала брюнетка. – Я... так и сделаю. Только пойду в какую-нибудь палату. Просто здесь так много крови, и порохом воняет, а у меня голова кружится.

– Ладно, иди, – махнул я ей рукой, не видя смысла задерживать бывшую пленницу. – И не пугайся: там, в холле, громила с большой пушкой – это наш человек, а не уголовник.

В дверях сестричка еще раз нам улыбнулась и, помахав ручкой, скрылась. А мы с Крупье вошли в подсобку и вновь обратились к дескану, уточняя, где может лежать пакаль.

– Что за простибома, мать ее?! – вырвалось у капитана, когда мы с ним взглянули на приборный дисплей. – Какого хрена здесь творится?!

– Вот сучка! – не сдержался и я. – Да ведь она свистнула наш пакаль!

И действительно, отметка на мониторе, что до этого оставалась неподвижной, теперь стремительно от нас удалялась. Судя по направлению ее движения – как раз по больничному коридору.

Я кинулся к выходу из ординаторской и, высунувшись в дверь, прокричал:

– Гробик! Задержи девку!

Однако было поздно. Фигура в зеленой больничной одежде уже миновала холл и мелькала в противоположном конце коридора. Гробика оставалось разве что подобно мне заорать ей вслед, поскольку он не мог бросить ответственный пост. Сестричка на его окрик даже не обернулась, а припустила быстрее и вскоре завернула за угол. Туда, где в отходящем от коридора маленьком «аппендиксе» был оборудован лаз на крышу и приделанная к нему лестница.

– Врет, не уйдет! – злорадно крикнул Бледный, когда мы, покинув ординаторскую, рванули в погоню за беглянкой. – Стерва думает, что мы проникли сюда через крышу, и хочет сбежать от нас той же дорогой. Хрена ей лысого, а не пакаль!

Майор не ошибся. Когда мы вчетвером ворвались в тот закуток, сестричка уже убедилась, что люк по-прежнему заперт и что ей от нас не уйти. Она стояла, повернувшись к нам лицом, и, подняв руки вверх, примирительно улыбалась. Страх она все так же не выказывала. Вместо страха в настороженном взгляде загадочной особы читалось, скорее, любопытство. И еще – искорки азарта. Она как будто играла с нами и вовсе не считала себя проигравшей, хотя мы и загнали ее в угол.

– Пакаль! – потребовал я, протягивая руку, а другой целясь в незнакомку из автомата. – Живо!

– Хрена с два! – с вызовом ответила она, при этом глаза ее загорелись еще сильнее. – Я первая нашла эту железку! Она – моя!

Вместо ответа я спустил курок. Короткая автоматная очередь вспорола покрытый линолеумом, деревянный пол прямо у ног сестрички. Взвизгнув, она в испуге отпрянула и уперлась спиной в лестницу. После чего судорожно сглотнула и затараторила:

– Ладно, ладно, успокойтесь! Все, теперь вижу, у кого тут пушки и железные яйца! А я кто? Я – никто, и звать меня никак! И вообще, чихать я на всех вас хотела!

– Пакаль! Или свинцовый педикюр! Что выбираешь? – вновь обратился я к упрямце, продолжая держать на мушке ее ступни. Можно было, конечно, не заниматься ерундой, а просто двинуть ей по голове прикладом и забрать пакаль силой. Вот только всех нас терзало любопытство, откуда вообще взялась эта девица, и каким образом она узнала, что ей в руки попал

действительно ценный предмет. Бесспорно, что ей есть, о чем нам рассказать. А значит, оглушать ее и причинять ей боль будет неразумно. Хватит и простого запугивания.

– Да нате, подавитесь! – фыркнула брюнетка и, вытащив из кармана артефакт, брезгливым жестом сунула его мне в ладонь. – Не больно-то он мне и нужен!

Пакаль действительно оказался зеркальным. В этот раз рисунок на нем не вызвал у меня никаких ассоциаций, как бывало прежде: расставившая руки в стороны, человеческая фигура, вокруг которой вились языки пламени. Горящий человек? Непохоже, чтобы он агонизировал. А значит, это, скорее всего, не человек, а какой-то демон, пусть и без демонических атрибутов вроде хвоста, рогов и крыльев.

Однако сейчас меня больше интересовал не рисунок на пакале и даже не он сам, а загадочная особа, у которой мы его отобрали.

– Ты ведь не медсестра, верно? – спросил я у нашей пленницы. – Будь ты ею, тебя бы эвакуировали с остальным персоналом. Для охотницы за пакалями ты тоже чересчур странная. И кто ты такая, черт тебя побери?

– Вы и сами не слишком похожи на военных, – огрызнулась брюнетка. – А конкретно твою рожу я где-то раньше видела. И точно не в телепередаче «На службе отечеству».

– Полагаю, я знаю, кто эта мадемуазель, – неожиданно осенило Бледного. – Я тут на одну любопытную комнатку наткнулся, когда мы палаты зачищали. Вроде камеры-одиночки, только вещички в ней разбросаны не мужские, а женские. Готов поспорить, что, если я сейчас принесу оттуда расческу и мы сравним застрявшие в ней волосики с волосами этой бестии, совпадение будет стопроцентным.

– Нет, вы посмотрите, какой любознательный мальчик! – съязвила «бестия», но настороженности в ее глазах стало больше. – А в ящике с нижним бельем ты там случайно не порылся? Обнюхать меня не желаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.